

ЧАРЛЬЗ МАССОН

ПОВЕСТВОВАНИЕ
О РАЗЛИЧНЫХ ПУТЕШЕСТВИЯХ
ПО БЕЛУДЖИСТАНУ,
АФГАНИСТАНУ И ПЕНДЖАБУ

включая пребывание в этих странах
в 1826–1838 годах

ТОМ II

Путевые записки XIX века

Чарльз Массон

**Повествование о различных
путешествиях по Белуджистану,
Афганистану и Пенджабу. Том II**

«Автор»

2026

Массон Ч.

Повествование о различных путешествиях по Белуджистану, Афганистану и Пенджабу. Том II / Ч. Массон — «Автор», 2026

Во втором томе Чарльз Массон продолжает путешествия по Белуджистану и Афганистану. Из прибрежной Ормары он отправляется через Белу, Хоздар и Калат, подробно описывая дороги, города, племена, торговлю, быт, природу и политические отношения местных владетелей. После пребывания в Калате и поездки к Чехел-Тану Массон движется далее через Качи и горные области к Кандагару и Кабулу. Значительная часть тома посвящена Афганистану: жизни Кабула, его правителям и укреплениям, а затем путешествию в Бамиан, осмотру знаменитых статуй, пещер и древних развалин. Автор оказывается свидетелем междоусобной борьбы, походов, осад, грабежей и казни Мир Езданбакша. Завершается том трудным возвращением из Бамиана через земли хазарейцев обратно в Кабул.

Содержание

ГЛАВА I.	6
ГЛАВА II.	14
ГЛАВА III.	23
ГЛАВА IV.	30
ГЛАВА V.	44
ГЛАВА VI.	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Чарльз Массон
Повествование о различных
путешествиях по Белуджистану,
Афганистану и Пенджабу. Том II

ЧАРЛЬЗ МАССОН
ПУТЕШЕСТВИЯ

ПО БЕЛУДЖИСТАНУ, АФГАНИСТАНУ

И ПАНДЖАБУ
ТОМ II
1842

ГЛАВА I.

Морские путешествия. — Майор Дэвид Уилсон. — Подготовка бумаг. — Использование их. — Замечания. — Табриз. — Сэр Джон Кэмпбелл. — Общество Табриза. — Багдад. — Карак. — Маскат. — Путешествие с капитаном Уиллоком. — Подход к Карачи. — Лок-джо. — Искусство накуды. — Опасность, встреченная у Карачи. — Поведение амиров. — Отказ в разрешении высадиться. — Стража. — Как они распорядились мною. — Высадка запрещена. — Приказы амиров. — Их политическая ревность. — Прибытие в Ормару. — Подарок от губернатора. — Представление ему. — Его приглашение. — Жилище. — Состояние губернатора. — Болезнь друга. — Упадок. — Балочский хан предлагает мне профессию врача. — Балочский хан предлагает мне службу. — Друзья. — Экскурсии. — Направление к Беле. — Проект. — Караван приходит. — Состав партии. — Хорошие новости. — Портрет снят. — Плохое состояние здоровья. — Проект. — Калатские купцы.

Из Карачи я переправился морем на донги в Маскат, а оттуда, на арабской багле, направлявшейся в Кишм в Персидском заливе, затем, перейдя остров, достиг Бассадора, тогда английской станции, где был радушно принят немногими проживавшими там моими соотечественниками.

Крейсер Почтенной Компании некоторое время спустя дал мне возможность отправиться в Бушир, где я оставался два или три месяца под гостеприимным кровом покойного майора Дэвида Уилсона, в то время резидента; и джентльмена столь высокого ума, что обладать его дружбой и уважением — обстоятельство, которым я всегда буду гордиться.

Там я составил из материалов, находившихся у меня, и по воспоминаниям ряд записок, относящихся к моим путешествиям и странам, через которые я прошёл, и они были пересланы правительству Бомбея или сэру Джону Малкольму, тогда губернатору.

Мне было известно, что ими воспользуются, но я не вполне уверен, что хотел бы, чтобы это было сделано, и сомневаюсь, что они принесли мне больше пользы, чем вреда.

Я могу лишь сожалеть, что эти документы, возможно, были искусно выставлены в поддержку необоснованных взглядов и честолюбивых проектов.

В некоторой степени я могу быть недоволен тем, что содержащиеся в них сведения послужили целям людей, которым не доставало великодушия признать это.

Из Бушира два месяца пути привели меня затем в Табриз, и там я встретил сэра Джона Макдональда, который незадолго до смерти посланника выехал в Бушир, и обнаружил майора, ныне сэра Джона Кэмпбелла, во главе миссии.

Мои обязательства перед этим джентльменом имеют более общий и более обширный характер, чем уместно было бы излагать на этих страницах; однако мне дозволено отметить, что если мои последующие труды оказались полезны науке, то именно благодаря его щедрости я был помещён в положение, позволившее мне их продолжать.

При сэре Джоне Кэмпбелле находились мистер, ныне сэр Джон Макнейл, и капитан Макдональд, племянник недавно умершего посланника, о котором я очень сожалел.

Почти, или даже более, двух месяцев я наслаждался обществом дружеского круга в Табризе, ценой чего стало приобретение нелюбви к грубым удовольствиям бродячей и странствующей жизни.

Затем я сопровождал капитана Макдональда в Багдад, где в течение нескольких дней нас щедро принимал полковник Тейлор, резидент, а затем мы спустились по Тигру до Басры, где к нам присоединился покойный капитан Фрэнк Гор Уиллок.

Из Басры мы приобрели карак, который с тех пор стал примечателен тем, что был силой захвачен в Бомбее, и затем перешли в Бушир, где я вновь имел удовольствие встретить майора Дэвида Уилсона, готовившегося отправиться по суше в Англию.

Капитан Макдональд договорился вернуться с ним, а капитан Уиллок и я сами заняли места на торговом судне из Бомбея, направлявшемся в Маскат, и приятный переход в одиннадцать дней привёл нас к якорной стоянке этого порта.

У дома Реубена бен Аслана, агента Бомбейского правительства, мы несколько дней приятно провели в посещениях имама и в беседах с местными жителями.

Капитан Уиллок нанял судно, чтобы доставить его в Мандви, а я занял место на арабской багле, направлявшейся в Карачи.

Я отплыл в день, назначенный для отъезда капитана Уиллока, в апреле 1831 года, и этот превосходный и добросердечный джентльмен сопровождал меня до моего судна и оставался со мной, пока оно не вышло из гавани.

Мы расстались, чтобы больше никогда не встретиться.

Шамаль, или северо-западный ветер, яростно дул с тех пор, как мы вышли из Маската, — и на седьмой день после отплытия мы подошли к замку Манора, стоящему на высоте у входа в гавань Карачи.

Была ночь, когда мы приблизились к нему, и мы бросили якорь у суши.

Во время этого плавания я страдал от лок-джо и должен был признаться, что не мог без труда ввести между зубами небольшие порции халвы, сладкого блюда Маската, как её называют, несколько корзинок которой я, к счастью, получил в подарок от имама капитану Уиллоку; и она в течение четырёх или пяти дней была моим единственным пропитанием.

Когда тризм возник от холода, его симптомы постепенно ослабили без помощи лекарств, и при приближении к Карачи скованность моих челюстей несколько уменьшилась, хотя она была ещё далеко не полной и естественной; и с тех пор я обнаружил, что склонен к повторению этого недуга.

В остальном переход был бодрым и приятным.

Арабский наку́да, или командир донги, был умным и вежливым молодым человеком.

Желая поразить меня высоким мнением о своём мореходном искусстве, он ежедневно поднимался на скелет квадранта без стёкол и делал вид, что пристально смотрит на солнце; затем, сидя на коврике со своей парой циркулей, он измерял расстояния по своей карте.

Однажды один из команды, пытаясь поправить руль, который был в весьма плохом состоянии, оказался опрокинут за борт.

Пользуясь услугами своих спутников и после немалых хлопот, они сумели поставить его на место.

Можно заметить, что обычным торговым судном портов Аравии, Персидского залива, Мекрана, Синда и Малабара является донги.

Правильное арабское название, однако, — багла, или, как пишется у нас, *bagal*, то есть «бок» или «берег».

Она имеет небольшую осадку и приводится в движение тяжёлым латинским парусом; при изменении положения которого также необходимо переносить часть груза с одного борта на другой, чтобы обеспечить противовес, иначе судну грозит опрокинуться.

Команда донги составляет от шести до двенадцати человек, и это, вероятно, тот тип судов, который использовался в этих морях с отдалённой древности.

На следующее утро мы снялись с якоря и встали перед гаванью.

Когда гарнизон высоты Манора оказался непосредственно слева от нас, нас приветствовали крики гарнизона, находившегося в замке на её вершине.

Наку́да, не понимая смысла этих криков и продолжая свой путь, люди отошли, или вооружились, или, как это называется, спустились со скал и дали несколько выстрелов из мушкетов поверх нас *in terrorem*.

Находясь достаточно близко, чтобы быть совершенно слышимыми, они повелительно потребовали, чтобы мы бросили якорь и спустили нашу лодку.

Накѹда так и сделал и послал свою лодку к берегу.

Она вернулась с отрядом солдат.

Оказалось, что я был причиной этих действий; но каким образом эти люди могли знать, что я находился на борту, можно было объяснить лишь предположением, что какое-нибудь судно, отплывшее из Маската в течение тех немногих дней моего пребывания там и доставившее сведения о моих намерениях, направлявшееся или возвращавшееся в Европу, находилось в порту и собиралось отплыть в Карачи.

Стражу, повод для тревоги я впоследствии выяснил, охватило подозрение, когда им сообщили, что два европейских джентльмена находятся у устья Инда и хотят по реке пройти в Лахор, но амиры Синда до тех пор не решились позволить им пройти.

Этими джентльменами, как я впоследствии узнал, были капитан Бёрнс и его партия.

Главный из солдат, который меня узнал, обнял мои ноги и сказал мне, что будет хорошо со мной обращаться.

Он отвёл накѹду к городу и велел ему сообщить, что прибыл старый гость.

Он добавил, что сомневается, позволят ли мне высадиться.

Тот ушёл и вскоре вернулся, принеся от губернатора сообщение, что приказы амиров были определѐнно не допускать высадки ни одного европейца в Карачи и даже не впускать его в гавань, но что я буду должным образом снабжѐн деревом, водой и другими необходимыми вещами.

Я объяснил, что приказы амиров относятся к военным кораблям, а не к отдельным лицам; но этот взгляд не был принят.

Тогда я попросил, чтобы сообщение о моём прибытии с письмом от меня было послано амиру Насир-хану в Хайдарабад.

Этому также воспротивились.

Наконец солдаты удалились, трое из них остались на борту в качестве стражи надо мной, так что я не должен был терпеть возможности покинуть судно.

Накѹда отремонтировал его судно и, по возвращении в полдень, с разрешения губернатора ввѐл донги в гавань и так близко к берегу справа, что при отливе оно осталось на песке.

Двое из трёх солдат при мне были столь мало склонны к вежливости и были настолько впечатлены чувством собственной значительности, что я приказал команде не давать им ничего есть; поэтому, проведя два дня голодными, они были вынуждены позвать рыбацкую лодку, в которую пересели, и вернулись к гарнизону в Маноре, оставив лишь одного солдата.

Поскольку он был довольно почтителен, его нужды были должным образом удовлетворены.

Однако в течение двух или трёх дней, наблюдая за моими аптечками, он не был удовлетворѐн, пока я не дал ему лекарства, хотя оно ему вовсе не было нужно.

Сомневаясь, представилась ли бы хорошая возможность избавиться от него, я дал ему сильную дозу джалаппы, на которую его весьма чувствительные внутренности были столь же рады, как и я, что он позвал рыбацкую лодку и присоединился к своим спутникам.

Мы оставались ещё два или три дня в гавани, но больше нас не удостаивали стражей.

Это приключение в Карачи, неожиданное с моей стороны, несколько озадачило меня.

Я не видел иной возможности, кроме как вернуться в Маскат, а оттуда, если возможно, достигнуть Бандар-Аббаса и с этого пункта через Керман и Йезд попасть в Систан, Кандагар и афганские страны.

Шамальные ветры, однако, были прямо встречными, и нам пришлось рассчитывать на утомительное и даже опасное обратное плавание в Маскат.

Я заключил соглашение с сумманийцем, несколько месяцев спустя после моего отъезда от которого губернатор Карачи при моей просьбе о приезде его хозяев из Хайдарабада, послав-

ших ему приказы, полученные после моего отбытия, чтобы оказать мне все почести в Хайда-рабаде и позволить мне без расходов следовать по дороге.

Они также сурово упрекнули его за то, что он не позволил, в первом случае, высадиться беззащитному и безоружному чужестранцу, у которого, по его собственным словам, не было ни слуг, ни оружия, ни ящиков.

Справедливости ради амиров Синда следует заметить, что, как бы ни были политически ревнивы к европейцам, они не столь лишены здравого смысла или человечности, чтобы при любой возможности мешать защищённому ими чужестранцу, которого случай или необходимость могли привести на их территории.

Об этом я имел опыт.

Я свободно прошёл через их страну и прожил в полной свободе и безопасности в их столице.

Их политическая ревность к европейцу обусловлена их страхами перед его властью; и эти страхи искусно поддерживаются немногими заинтересованными лицами среди них.

Надо признать, что невежество и легковерие амиров делают их лёгкой добычей.

Меня удивило узнать, что эти правители царства верят, будто полк солдат можно запереть в обычном ящике: если у европейца нет такого предмета в его владении, они смотрят на него с гораздо меньшим недоверием.

Такие праздные представления, очевидно, были бы рассеяны более тесным общением и лучшим знакомством.

Наш наку́да не стал ждать груза, и мы снялись с якоря и вышли в море при довольно благоприятном ветре.

Мы, однако, прошли немного и, ещё при дневном свете, миновали небольшой скалистый остров, который синдцы называют Чарна, а на закате, оглянувшись, едва могли различить снежно-белые стены замка Манора.

К вечеру земля почти скрылась за кормой.

Шамаль непрерывно дул; так что после многих дней пути, продвигаясь понемногу и прижимаясь к берегу и становясь на якорь ночью, мы прибыли к порту Ормара, куда вошли за водой.

Наку́да отправился на берег, и, когда я собирался пересказать рассказ о моём отпоре в Карачи, который теперь произвёл бы весьма необычное впечатление, он принёс от губернатора, Фати-хана, приславшего меня в подарок ящик яиц, приглашение высадиться.

Страна, как мне сказали, была независима от Синда, и мне следовало ожидать безопасности в Калате или в любом другом месте, которое я мог бы предпочесть.

Я, сопровождаемый Чули, был представлен губернатору, которого обнаружил сидящим под старой стеной вместе с кругом жителей вокруг него.

Среди них был наку́да.

Губернатору было около сорока лет; худой и смуглолицый, с любым иным, кроме располагающего выражения, и несколько не улучшенный длинными чёрными волосами.

Он возобновил предложение услужить мне, сделанное Чули, и пожелал, чтобы меня считали его гостем в моём собственном лице и его рабом — моим рабом, — человеком обыкновенным, но, как я впоследствии обнаружил, с располагающими манерами и умеющим внушать доверие.

Я решил тотчас остаться в Ормаре, надеясь оттуда суметь добраться до Калата; и хотя предвидел вероятность приключения, всё же, уверенный в своей удаче, пошёл на него.

Увидев жалкое состояние хижин, составлявших город, я осведомился о жилье; мне указали старую башню полуразрушенного форта; другая башня, их было две, была занята Фати-ханом лично, тогда как внутри ограды находилась хижина, резиденция Балоч-хана, которого я впоследствии обнаружил вторым губернатором наряду с Фати-ханом.

Моя квартира была очень безумной и достигалась по лестнице, однако, как бы то ни было, она казалась наиболее пригодной из имевшихся; кроме того, она имела преимущество составлять часть правительственного дома и потому пользовалась его защитой.

Мои вещи были присланы с донги; и молодой арабский наку́да простился со мной, настойчиво поручая меня попечению Фати-хана и говоря ему, что я был особым другом имама Маската и что тот прибудет в следующую муссонную пору, чтобы узнать, как со мной обошлись.

Я обнаружил, что в Ормаре есть один европеец, среди моих знакомых.

Вскоре я обнаружил, что главной целью Фати-хана, приглашая меня стать его гостем, было избавиться от недуга, который иногда мучил его, — опухоли мошонки, случавшейся всякий раз, когда он предавался финикам, халве или иной неподходящей пище.

Я желал ему воздержаться от такой пищи, но, по его словам, это было невозможно.

Поэтому я назначил ему лекарства; но он находил их неприятными и прекратил принимать.

Моё присутствие, следовательно, мало ему помогло, поскольку он упорствовал в снисхождении к своим азиатским аппетитам и удерживал их последствия в своём животе-горшке.

Будучи считанным табибом, или врачом, я имел множество пациентов, некоторых из которых мне удалось вылечить.

Наконец моя репутация стала падать, поскольку я посоветовал одному человеку, обратившемуся за джулабом, или слабительным, — мои лекарства были исчерпаны, — выпить стакан морской воды.

Ночью, когда я сидел в своей башне и Балоч-хан со свитой сидел внизу на площадке, я услышал, как они обсуждают этот случай.

«Ап дерья бор», — сказал один, — «пей морскую воду».

«Ап дерья бор», — сказал другой, и все разразились смехом, в котором я не мог удержаться от участия, хотя и рисковал быть подслушанным ими.

Балоч-хан предложил, и все согласились с ним, что я никакой не табиб, а моим назначением было осматривать страну.

Я оставался более месяца в Ормаре, живя в башне, как и мог, чтобы обмануть скуку.

У Балоч-хана было два сына, младший из которых, юноша около семнадцати лет, был моим спутником в башне и в моих прогулках.

Он имел хороший нрав и мог читать и писать по-персидски; с его помощью я составил небольшой словарь балочского диалекта.

С жителями города я обычно не забывал ни одного случая проявить вежливость и внимание.

Кроме того, я подружился с двумя или тремя балочскими семьями, жившими в палатках возле колодцев за городом.

Они держали коз; и всякий раз, когда я навещал их, мог рассчитывать на то, что меня угостят чашей молока или пахты.

Случайные посетители приезжали из джангала, и я расспрашивал их о местностях, их племенах и соседях.

Дважды я поднимался на высокий холм Араба, который завершает полуостров, на котором расположена Ормара; но в другое время был вынужден ограничивать свои прогулки песчаными пляжами по обе стороны полуострова.

Когда бушевал шамаль, а обычно это происходило с чрезвычайной силой, мне не оставалось ничего, кроме как оставаться в своей башне и развлекаться, насколько мог, своими бумагами и беседой друзей.

Я тщательно воздерживался, находясь в Ормаре, от демонстрации денег, утверждая, что в своих медицинских занятиях зависел от снабжения меня необходимым, хотя старался давать

более чем равноценную отдачу за всякую оказанную мне любезность и не позволять ни одной услуги оставаться неоплаченной.

Я мог приобретать себе всё это, имея при себе несколько ножей и разнообразные безделушки, которые также ценились выше денег.

Двое губернаторов происходили из племени мирвари у балочей, наиболее почтенного в этой общине, к которому принадлежали и калатские ханы.

Они были оба уроженцами Колвы, в провинции Джоу, к западу от Белы; и хотя Фати-хан состоял с Балоч-ханом в отношениях зятя, между ними существовала неприязнь, возможно из-за ревности и соперничества за власть.

Семья Балоч-хана жила вместе с ним в Ормаре и состояла из жены, уважаемой женщины, двух сыновей и дочери; последняя, статная молодая девушка по имени Габи, была обручена с молодым человеком в Пассани, соседнем небольшом порту к западу.

Семья Фати-хана проживала в его родном месте Колве.

Однажды случилось так, что ко мне прибыл его сын, которого он привёл перед собой; перед воротами форта лежали два или три старых корабельных орудия, на которых, как выяснилось, был заряд.

При первом выстреле обрушилась большая часть ворот, и моя старая башня так зашаталась над моей головой, что я спрыгнул на площадку, не пользуясь лестницей.

Увидев разрушение ворот, остальные орудия оттащили на значительное расстояние, а затем выстрелили.

Я размышлял, каким образом мне покинуть Ормару, когда Балоч-хан сообщил мне, что собирается отправиться в Джоу и, если я решу сопровождать его, он доставит меня оттуда в Белу, в Ласе.

Я хотел посетить Джоу, услышав от моего молодого друга, его сына, что там существуют развалины древнего города, среди которых находились монеты и прочее, и, как было сказано, сохранились необычайные остатки.

Я выразил Балоч-хану удовлетворение тем, что буду сопровождать его в Джоу, и попросил его нанять для меня верблюда.

Когда стало известно о моём предполагаемом отъезде, многие жители города заклинали меня не доверяться власти Балоч-хана.

Чули также заявил мне, что я собираюсь сделать роковой шаг; что он убеждён в злых намерениях Балоч-хана, особенно поскольку верблюд, который якобы был нанят для меня, на самом деле принадлежал ему самому, а погонщиком был его раб.

Наконец Фати-хан послал за мной и настаивал, что, поскольку я был особенно его гостем, он считает себя ответственным за мою безопасность и что ему не нравится мысль о моём отправлении с Балоч-ханом.

Он добавил, что если я подожду ещё месяц или два, он сам отправится в Джоу.

Я уступил таким представлениям, и старый грешник Балоч-хан, — ибо его волосы были посеребрены возрастом, — уехал в путь.

Когда стало известно, что я остался, все поздравляли меня и, казалось, единодушно соглашались, что я избежал гибели.

Сыновья Балоч-хана, как я заметил, были недовольны мыслью о моём сопровождении их партии, поскольку из дружеских чувств, существовавших между нами, я, вероятно, мог ожидать, что они сдержат молодых людей от неприязни ко мне, если бы меня постигло какое-либо зло, тогда как их долг и уважение к отцу мешали им сообщить мне, что у меня есть основания не доверять ему.

Несколько дней спустя из Маската прибыла сумманийская донги, и я решил отплыть на ней к месту её назначения.

Соответственно я простился с Фати-ханом и моими друзьями из Ормары; первый попросил меня обязать его копьем, которое я с удовольствием ему отдал.

Мы снялись с якоря около девяти утра, при сильном шамале, но в нашу пользу, и имели быстрый переход вдоль берега.

К десяти или одиннадцати часам следующего дня мы подошли к гавани Суммани, вход в которую затруднён песчаными банками, над которыми проходит постоянный прибой.

Наш накуда совершил небольшую ошибку в своём курсе и вывел свою донги прямо на песчаные банки; он увидел свою опасность, но, крикнув «Такова Кхода» («По милости Божьей»), храбро направил судно среди прибоа.

Затем последовала краткая борьба, и в следующее мгновение мы оказались на плаву в спокойных водах гавани; накуда, ликуя и поздравляя себя с удачным экспериментом, поскольку, по его словам, на банке не было даже одного газа воды.

Переход был столь же приятным, сколь быстрым, и для нас, людей, не слишком щедрым, поскольку, будучи известен как табиб, меня занимал привилегированный человек и от меня не слишком много требовали как от обычного гостя, в доме Джамала, спутника на донги, и поскольку вскоре распространились сведения о прибытии ферингийского табиба, я довольно энергично приступил к врачебной практике.

Я совершил несколько неожиданных и необычайных исцелений, ибо, если сам чувствовал себя в безопасности и знал заболевание, которое мне предстояло лечить, я не упускал случая сделать добро, и моя известность настолько возросла, что ко мне приезжали пациенты из дальних холмов.

У меня был необычный случай из холмов — представительная женщина, жена богатого лумри, часть лица которой стала белой.

Муж предложил двух верблюдов, если мне удастся своим искусством вернуть первоначальный цвет.

Я заметил, что дама выглядела бы лучше, если бы стала совершенно белой.

Они оба улыбнулись, но не поддались убеждению, что чёрный цвет не предпочтительнее. Этот случай, разумеется, превосходил мои способности.

Я переехал из дома Джамала в нанятое помещение на базаре.

Дверь имела решётку, так что я жил скорее в клетке, чем в доме.

Я приобрёл множество знакомых, и многие индусы были весьма услужливы, особенно двое — Тах Мал и Кимджи.

Я жил в полной безопасности и свободе.

Во время моего пребывания правивший джам, или глава Ласа, провинции которого Суммани является портом, прибыл сюда, ведая делами своей матери из столицы, Белы.

Я посетил его и нашёл умного ребёнка, который приветствовал меня словами «Кхуш Амадид», или «Вы желанны», и я послал ему несколько картинок, которые очень его порадовали.

Этот случай двора помог расширить круг моих знакомств, и среди чиновников правительства я нашёл много простых и грубых, но всё же хороших и достойных людей.

Араб Вакил, один из главных людей маленького государства, был такого рода; и Джам Динар, родственник джама, соединял со своими другими хорошими качествами значительную обходительность манер.

Однажды, с помощью фотоаппарата-люциды сняв портрет молодого индуса, сына моего друга Тах Мала, я, как выяснилось, был донесён одной даме, дхаи, или кормилице молодого джама; и она не успокоилась, пока не получила своего изображения.

Каким образом это следовало осуществить, было затруднением.

Для дамы положения этой почтенной дхаи не было обычаем допускать к себе постороннего мужчину; кроме того, она пользовалась особой репутацией приличия и деликатности поведения, чем очень гордилась.

Более того, когда я обнаружил необходимость, чтобы я был полностью убеждён в чистоте её ума и возвышенности чувств и никоим образом не подозревал, что столь распространённая слабость, как тщеславие, могла породить желание увидеть свои прекрасные черты на бумаге, я охотно обещал всё и изобретательность джукинки, служившей даме и выступавшей в этом деле в роли посредницы, привела к желаемому концу.

Она должна была поверить, что у неё слабые глаза и что их можно вылечить лишь если я помещу камеру-люциду на определённом расстоянии от них, а я должен был поверить, что, принимая во внимание только то, что я являюсь табибом, дама слишком благовоспитанна, чтобы нарушить этикет и признаться в моём присутствии.

Кроме того, я должен был поверить, что она не знала, что будет снят её портрет, но что, как я ей объяснил, с помощью камеры-люциды её зрение должно было улучшиться.

Когда всё было устроено и представилась удобная возможность, джукинка ввела меня к этой даме; и я нашёл женщину весьма почтенной наружности, если не столь красивую, как её ласкательные донесения заставляли меня ожидать.

Она была весьма мужественна и достойна, но, подобно мне самому, сохранила своё лицо без белил.

Она говорила быстро по-персидски, и для такой страны была женщиной высшего сорта.

Я сумел заниматься делом терпимо хорошо и сделал рисунок, который довёл до совершенства у себя дома и который, как мне сказали, джукинка отвечала цели — доставить ей удовольствие.

Мне пришлось исправить некоторую выступающую часть носа, которая, однако, была обязана не ошибке меня или моей люциды, ибо она существовала в натуре.

Сезон года был не самым благоприятным, однако я не находил жару неудобной в Суммани; тем не менее здоровье моё несколько страдало, и я постепенно слабел, хотя и не имел явного или определённого недуга.

Поэтому я думал покинуть Суммани и собирался нанять вооружённую партию лумри, за плату в сто рупий, чтобы сопроводить меня в Шикарпур.

Эти люди, хотя и желавшие предпринять это дело, откровенно признались, что в силу вражды некоторых племён, через которые мы должны пройти, и того, что существует возможность столкновения, уверили меня, что в таком случае я должен буду пострадать последним, чему я мог поверить, и уже собирался утвердить сделку с ними и предаться случаю, когда несколько патанских купцов из Калата прибыли в Суммани из Карачи.

Это было счастливое обстоятельство, так как оно дало мне возможность посетить Калат, и я питал надежду остаться своим здоровьем и силами в его прекрасном климате, когда смогу отправиться в Кандагар, Кабул или куда ещё случай или склонность могут побудить.

ГЛАВА II.

Лёгкость приобретения знакомств. — Удивление купца. — Моё превращение. — Обмен приветствиями. — Беседа. — Решимость. — Уверение в покровительстве. — Каликдад. — Вежливость индуса. — Состав партии. — Оставляем Суммани. — Лиари. — Страна. — Патти. — Умман-ди-Гот. — Окрестности Белы. — Появление Белы. — Резиденция Джама. — Могилы. — Выдвижение партии. — Хорошая воля Каликдада. — Его беспокойство. — Отправление из Белы. — Несчастье в пути. — Возвращение Каликдада. — Прибытие в Валипат. — Каликдад вновь присоединяется. — Уммаин. — Пурали. — Примечательный могильник. — Холмы Шехер-Кохран Ват. — Пинг. — Остановка в холмах. — Деревья. — Самшир-хан. — Балочи. — Каликдад приветствует. — Встреча с нашей партией. — Неприятности ночью. — Орнатч. — Орнатчская река. — Торкебур. — Холмы. — Вода. — Посетители. — Буря. — Баран-Лак. — Места погребения. — Карайт. — Население Вада. — Сирдары. — Равнина Вад. — Налл. — Его предполагаемая древность.

Способ, которым началось моё знакомство с патанскими купцами, может показать ту лёгкость, с которой в большинстве случаев можно завести знакомства, если не друзей, среди торговых классов афганцев.

Я сидел один в нанятом помещении на базаре Суммани, когда один из купцов, крепкий пожилой человек, вошёл, подошёл ко мне в передней части моего жилища, очевидно намереваясь обратиться ко мне, но после короткого взгляда развернулся и пошёл прочь.

Дело было так: я сидел, скрестив ноги на моей чарпай, или койке, и, согласно местной моде, без рубашки; и, будучи не в лучшем расположении духа ни к себе, ни к миру, мой вид был не слишком располагающим.

Я догадался о причине резкого ухода купца и, чтобы быть готовым на случай другого посещения, оделся в чистую белую одежду, более соответствовавшую обстоятельствам.

Я выпил немного напитка из сверкающего стакана, по умолчанию называвшегося чилим, а передо мной лежали две или три книги.

Через короткое время патан появился снова, вероятно без всякого намерения обратиться ко мне, кого он отверг как находящегося ниже его внимания, но случайно направив взгляд на меня, он казался совершенно поражённым моим превращением; и прежде чем успел оправиться от удивления, я обратился к нему с учтивым и звучным «Салам алейкум».

Он, разумеется, ответил соответствующим приветствием «Алейкум салам» и приблизился ко мне.

Я пригласил его сесть, и последовал короткий разговор, в котором я выразил желание покинуть Суммани, а он сказал: «Почему бы тебе не сопровождать меня в Калат?»

Я спросил, когда он намеревался отправиться, — «Сегодня вечером», — и «уехал».

Моё решение было принято мгновенно, и я принялся укладывать свои вещи.

Вскоре после этого меня посетили ещё четверо афганцев из партии, и они засвидетельствовали удовольствие оттого, что я собираюсь быть их спутником.

Затем я пошёл на базар, устроил денежные дела и нанял верблюда за две рупии, чтобы доставить меня до Белы.

Я вновь сидел в своей комнате, когда купец, которого впервые видел, снова прошёл мимо и, заметив мои вещи уложенными для движения, спросил меня: «Ты идёшь со мной?»

Я ответил: «Во имя Бога, иду», после чего он схватил меня за руки и, приложив их к своим глазам, уверил меня, что он будет мне «как кисмат», и дорога, и от Калата предоставит мне возможности найти спутников в Кандагар, Кабул или куда угодно, как я сочту нужным.

Имя моего нового друга было Абдул Калик, и он оказался главным человеком партии.

Другой уроженец Калата по имени Иддадулла также посетил меня; и у меня никогда не было оснований менять благоприятное мнение о его характере, которое я тогда составил.

К вечеру, уже прежде ужинав вместе с моим достойным индусским другом Тах Малом, который во время моего пребывания был неизменно внимателен, я оседлал своего верблюда и присоединился к калатской партии, занимавшей старую дхармсалу близ колодцев за городом.

Мой другой индусский друг Кимджи сопровождал меня туда и по дороге спросил, не следует ли ему поговорить в мою пользу с патанами.

Я сказал, что удовлетворён ими и что это не нужно.

По прибытии почтенный человек не мог удержаться и устроил несколько замечаний, которые вызвали новый протест услуг и внимания со стороны Абдул Калика и Калифа Иддадуллы, причём последний заявил, что никогда не видел балати, но сердце его радовалось.

Партия, к которой я теперь присоединился, состояла из жителей Калата, за исключением одного Юсуфа, уроженца Кандагара.

Первым был Каликдад.

Он был плохо сложен и добродушен и был временно устроен верхом на верблюде, кобыле, принадлежавшей ему и находившейся под откормом ради пастбища.

Впоследствии я узнал, что он был одним из четырёх братьев, которые в товариществе владели богатым домом.

Фаиз Ахмед, как они занимались торговлей; и что у них были сараи в Карачи и Кандагаре.

Следующим был Калифа Иддадулла, весьма почтенный молодой человек; он ехал на превосходной мари, или бегущей верблюдице, которая также несла его спутника, Пир Бакша, возвращавшегося с паломничества в Мекку.

Он видел Бомбей и был полон чудес тамошних диких.

Под покровительством Калифы Иддадуллы находился молодой человек из Калата Насирхан, у которого до этого времени не было дел ни дома, ни за границей.

С нами также был Махомед Рафик, который ехал один на хорошей мари и был добрым молодым человеком; в пути он был одет довольно грубо, но я обнаружил в Калате, что он имел красивую внешность; и, выражая удивление благоприятной перемене в его костюме, мне сказали, что он недавно женился.

Все вышеупомянутые были афганцами племени Баби, и с ними находился один человек, как я полагаю, Юсуф, афганец из Кандагара.

Этот последний человек был тучен и добродушен и, казалось, выполнял обязанности повара для партии.

Мы ели сообща и считали себя особенно товарищами.

Кроме того, был один Фаиз Махомед, почтенный купец из Калата, ехавший на хорошей лошади, с которым были два или три слуги, также верхом, и столько же верблюдов.

За ним следовал один наваб, который ехал или гнал перед собой осла.

Фаиз Махомед был одиноких привычек или принадлежал к другой заи и не смешивался с Баби.

Он лишь держался возле нас во время дневного пути, так как это было необходимо для его безопасности.

Мы покинули Суммани и, миновав низкие песчаные холмы, окружающие его, вышли на ровную равнину Ласа.

Вскоре мы вошли в более зелёные рощи, и великолепный дедар, большой куст тёмно-зелёного цвета, называемый ирани, и газ, или тамариск, — здесь кустарник.

Через три или четыре косса дедар сменился хейтом, или каперсовым деревом, и ещё немного дальше растительность стала более пышной, когда мы приблизились к Лиари, где остановились в рощице мимоз, к востоку от деревни.

Мы прошли десять косов, или пятнадцать миль.

На этом расстоянии воду нашли только в одном месте, в слоу, а там неприятную.

Лиари — небольшая деревня, содержащая около двадцати глинобитных домов, населённых индусами, и восемьдесят хижин — обителей махометан.

У неё имеется мануфактура соли.

За Лиари джангал образован газовыми кустами, смешанными с высокой травой.

Через три или четыре косса она уменьшается, и равнина становится усеянной каперсовыми деревьями.

Видны попугаи, голуби, майны и другие птицы.

В двух или трёх местах мы проходили земли, которые когда-то обрабатывались, но теперь не было урожая или признаков его.

Иногда встречалось несколько хижин лумри и, кроме нескольких бабулов, или мимоз, и куч земли в некоторых местах, нам бросалось в глаза то, что здесь, как и на местах прежних деревень, не было более положительного доказательства того, что страна когда-либо была лучше заселена.

Наконец мы достигли реки Пурали и пересекли её скудный поток, текший широким руслом, ограниченным высокими берегами, и остановились под тенью нескольких больших газовых деревьев.

Это место называлось Патти и считалось находящимся в десяти косах от Лиари.

Примерно в двух милях справа от нас был небольшой город Утал.

Проходя по джангалу на берегу реки, Утал стал ясно различим.

Короткий переход вновь привёл нас к реке слева, но мы не пересекали её.

Страна сохраняла те же черты — ровная поверхность и джангал; последний, возможно, немного более лесистый.

Наконец мы остановились в Умман-ди-Гот, пройдя четырнадцать косов.

Здесь находилось около шестидесяти хижин махометан.

Дорога до Белы шла через равнину, образованную либо жирной почвой, либо естественно или искусственно заросшей колючим кустарником.

Возделывание по обе стороны дороги было довольно общим, но земля теперь большей частью залежная.

Несколько полей джавари и хлопка лишь показывали продуктивную растительность.

Деревья джангала становились более редкими с приближением к Беле, и среди них преобладал перу, бросавшийся в глаза тёмной и плотной зеленью.

На дороге встречаются несколько хижин, построенных из соломы и циновки, конусообразной формы.

Примерно в миле от Белы джангал впервые позволяет увидеть её, что довольно привлекательно: резиденция Джама возвышается заметно над прочими домами города.

Большой купол Джамовой мечети также имеет красивый вид.

Джангал снова закрывает её из вида, пока мы не достигнем древнего русла Пурали, на противоположном берегу которого она стоит.

С ближнего берега открывается ещё интересный вид.

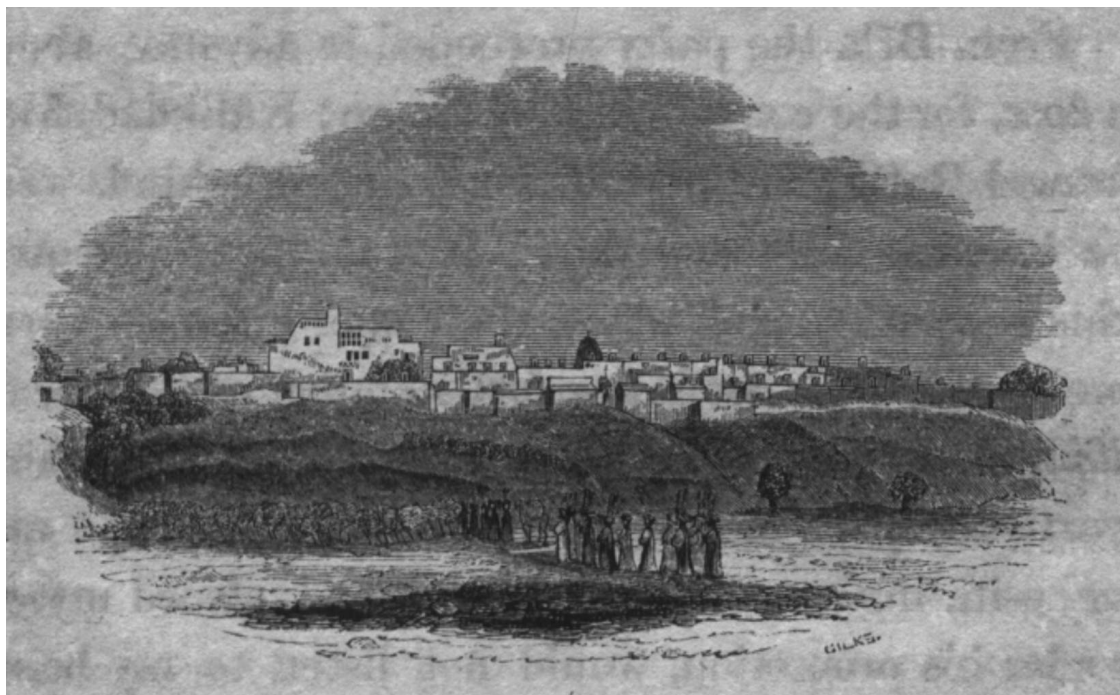
Мы пересекли глубокое и широкое русло старого потока, которое теперь является местом обширного земледелия, и разместились в квартале на его берегу, к западу от города, который он возвышенно обозревал, будучи построен на холме.

Резиденция Джама из сырцового кирпича и окружена высокими зубчатыми стенами, по углам которых возвышаются круглые башни.

Дома города также из сырцового кирпича и имеют лишь земляной пол.

Все они снабжены дымоходами для отвода дыма от огня, как это обычно бывает в пака-деревнях Ласа, а также в Карачи в Синде.

Эти удобные придатки обращены к югу и представляют собой либо грубые оригиналы, либо неуклюжие подражания более изящным сооружениям, называемым бадгир, или ловцами ветра, в Бандар-Аббасе, Бушире, Ширазе и других городах Персии.

БЕЛА, СТОЛИЦА ЛАСА.

Бела содержит около трёхсот домов, одна треть которых занята индусами.

Предметы обычной необходимости здесь имеются в изобилии, но предметов роскоши мало, а следовательно, они дороги.

Есть в городе двадцать семь или двадцать восемь махOMETанских гробниц.

К западу от города, над развалинами Меса Налани, и примерно в двух милях на восток, тянутся старые руины.

Город получает воду из колодцев, некоторые из которых горькие, а другие из старого русла Пурали, где поля овощей и табака, с рощами из финиковых деревьев.

К западу от города есть несколько финиковых деревьев, дающих иной плод, но производящих превосходный результат при близости пчёл.

Городские сады снабжены Джамом, наполнены главным образом кхехтом, манго, подорожником, апельсином, цитроном и оливковыми деревьями.

Из Белы партия отправилась вперёд примерно на один кос, ради удобства кормёжки; Каликдад, Махомед Рафик и я, задержавшись позади, должны были присоединиться к ним на следующий день.

Именно из-за моего пребывания произошла эта разлука, поскольку верблюд, нанятый для доставки меня до Хоздара, не выступил, как обещали.

Каликдад, который проявлял к нам интерес, особенно часто говорил из-за своей живой и без колебаний манеры, в которой я поставил себя под его покровительство, не стал слушать, чтобы я остался разочарован в пути в Калат, хотя я протестовал против того, чтобы он терпел какие-либо неудобства.

Прошло три дня, и парень, нанявший своего верблюда и получивший часть платы, не появился.

Так случилось, что другого нанять мы не могли.

Молодой человек из Белы, слишком опасный и без связей или личного знакомства с горными племенами, вознамерился предпринять это.

Каликдад сильно беспокоился, как бы его спутники из-за ограниченного запаса провизии не были вынуждены продолжить путь; всё же он не мог и подумать покинуть меня, утверждая, что переход через них одним человеком мог быть трудным для меня, если только не в хорошей и ответственной компании.

Наконец человек привёл своего верблюда.

Мы закрепили животное, и его хозяин под каким-то предлогом вернулся в свою деревню, обещая быть готовым выступить с нами вечером.

Он не был пунктуален.

Обладая верблюдом, мы покинули Белу; я сидел на нём, а Каликдад и его кобыла шли пешком, и Махомед Рафик, *pro tempore*, также был пешим.

Я был лишь безразлично приспособлен на своём новом животном: его седло было неудобным, и, не проехав очень далеко, поворачиваясь кругом, я опрокинулся и вместе с багажом свалился на землю.

Каликдад, перестав смеяться над моей комической ситуацией, сказал, что действительно будет лучше, если он вернётся в город и купит верблюда, для чего он прежде уже вёл переговоры.

Случайно в этой поездке мне ежедневно подавали в одном и том же порядке, пока, будучи бардаром, или погонщиком верблюдов, я не начал сомневаться, будет ли разумно держать темп с остальной партией, поскольку намеревался скорее попасть в Калат длинными и быстрыми переходами.

Я согласился, и добродушный купец отправился назад пешком, дав мне свою кобылу, а Махомед Рафик устроился на верблюде.

Мы вдвоём пошли дальше к Валипату, примерно в трёх косах, где надеялись найти наших спутников.

Каликдад, с его покупкой, должен был присоединиться к нам как можно скорее.

Примерно в миле от Белы мы миновали небольшую деревню из нескольких глинобитных хижин справа от нас и затем, будучи довольно ночью, пересекли сухое русло горного потока и остановились на противоположном берегу.

Махомед Рафик взял повод кобылы, и, привязав верёвку верблюда к моей руке, я завернулся в свою арабскую накидку и пошёл спать.

Ночью нас разбудили крики, оказавшиеся от Каликдада, который приветствовал нас.

Мы вернули их, и вскоре он прибыл на превосходной мари в сопровождении продавца, молодого саияда из Белы.

Последний получил цену своего верблюда — шестьдесят рупий — и покинул нас.

На рассвете мы отправились к нескольким домам рядом, где Каликдад был соответственно принят и узнал с сожалением, что наша партия продолжила свой путь.

Валипат, где прибыло наше животное и вокруг него, был собственностью Джами Динара, прежде упомянутого как родственник Джама Ласа.

Он отсутствовал, но, будучи другом Каликдада, распорядился заранее до нашего прибытия, и нас гостеприимно приняли.

Здесь был большой сад деревьев нариндж и два или три пипала, называемых здесь догхари.

К тому же здесь было хорошее земледелие риса, земля достаточно орошалась каналом, выведенным из Пурали, который был достаточно полноводен и силен, чтобы вращать мукомольную мельницу.

После полудня мы покинули Валипат, Каликдад на своей мари, а я и Махомед Рафик на моей недавней покупке; нанятый верблюд был оставлен людям Джама Динара до востребования владельцем.

Вскоре мы подошли к низким холмам впереди, под которыми было несколько хижин и небольшое возделывание.

Отсюда мы некоторое расстояние следовали по руслу Пурали, заросшему стволами и ветвями деревьев, то зелёных с листвой, когда текло немного воды, то мёртвых пней живых тамарисков и кустов, образующих острова, когда поток полон.

В это время он был ничтожен, не превышая двенадцати-пятнадцати ярдов в ширину и не более чем по колено.

Покинув реку, дорога некоторое время шла через место погребения, замечательное своей протяжённостью и множеством надгробий, которые были построены во всевозможных формах — квадратных, круглых и продолговатых.

Их пределы определялись обломками серого известняка, а внутренние поверхности были выложены разнообразными узорами, составленными из мелких блоков белых камней, которые не были раствором.

Это не недавние памятники, но из частого их смешения с местами, описанными более крупными камнями и явно предназначенными для масджитов, они могли быть махометанского происхождения; и, чтобы судить по большой их численности, можно предположить, что здесь происходил какой-то серьёзный конфликт.

За этим тихим городом мёртвых мы вошли в беспорядочное нагромождение низких земляных холмов, ограничивающих с севера равнину Ласа и через которые Пурали прокладывает разрушительное русло.

Возвышаясь над ними с обеих сторон, видны более высокие хребты.

Южный представляет собой шесть-семь миль отдалённую границу между Синдом и Балочистаном.

Впереди у нас были два отдельно стоящих возвышения сходного вида, одно имеющее на вершине перпендикулярную фигуру, напоминающую совершенно квадратную вершину, а другое прямо напоминающее башню.

Подойдя к ним, оказалось, что это массы земли в русле потока.

Это были причудливые следствия, произведённые на мягкой почве разрушительными течениями, которые мы впоследствии часто наблюдали среди холмов, образованных из осадочных пород.

Из-за наших задержек мы присоединились к партии поздно, а поскольку всё это время был лишён обуви, так как мои сандалии разорвались, я испытал от каменистой дороги некоторое неудобство.

Мы остановились в небольшой дара, или просторном водотоке, называемом Бохер.

Возобновив путь при дневном свете, мы прошли несколько миль по тому же водотоку.

Мы миновали место, называемое Пинг, где было несколько бер-деревьев и изобилие родниковой воды; здесь мы увидели попугаев, и разнообразие птиц называлось мита.

Дара закрылась, и мы пересекли низкий холм в другой, по которой шли, пока солнце не поднялось очень высоко; затем, наполнив наши массáки, или бурдюки, водой, которой было много и хорошего качества, мы сошли с дороги и отдыхали в укромном месте во время дневной жары и готовили пищу.

Наше уединение было среди больших количеств рыбного растения, разнообразных алоэ, и впервые я увидел цветки растения сангли — одиночные, белые или скрытые, некоторые с соломенными и, как нам напоминали соседи, названиями.

Деревья преобладали среди холмов, это тамариск, перу, дедар, ним, чёрно-белый бабур и другие мимозы, вместе с полезным рыбным.

Кенатти, или пальма-христи, также иногда окаймляет ручьи.

Иногда мы поднимали дикого кабана и куропаток или татар, которых было много.

Во время движения в этот день мы встретили человека, шедшего без обуви, который, как мне сказали, был Самшир-ханом, сыном Алим-хана, вождя горных племён, и который мог собрать большие силы.

Он был знаком с Каликдадом и присоединился к нему, встретив нас в столь удобном месте.

Позднее мы повсюду по холмам видели партии балочей, вооружённых и верхом на мари. Ничего не произошло кроме обычной рутины приветствий и расспросов.

Каликдад всегда начинал разговор с этими людьми, складывая руки и повторяя фатиху. В этих встречах мы могли узнать кое-что о наших друзьях.

После полудня мы снова выступили; и, покинув дара, прошли через примечательно узкий проход — не то чтобы окружающие холмы были высоки, но дорога была очень сжата.

Перейдя его, к нашему великому удовлетворению, мы присоединились к нашей партии, которая из-за нас продвигалась несколько медленнее.

Мы остановились на некоторое время, готовясь для себя.

Меня вежливо встретили все, хотя задержка в пути могла быть им вменена; и моя покупка верблюда была встречена аплодисментами.

Мы покинули это место, называемое Кханадж, и шли всю ночь.

Это была самая беспокойная часть нашего пути до этого.

Мы прошли последовательность подъёмов и спусков, и в одном случае были вынуждены спешиться.

Ночью, однако, наш путь не был настолько извилистым, и временами мы могли отклоняться от него.

Значительную часть пути мы не встречали на дороге воды: первой, которой достигли, была река Орнатч, текущая у подножия холмов некоторой высоты, которые отделяют племена Мингал и Бизанджу.

Орнатч, при небольшой ширине, имеет довольно значительный объём воды и быстрое течение.

Мы не прошли ничего в виде жилища; но однажды лай собаки заставил нашу партию хранить тишину.

На рассвете мы остановились в месте, называемом Туркабур.

Здесь был небольшой поток, протекавший в глубоком и просторном русле справа от нас, на расстоянии вытянутой руки, который тек перед нами.

Слева от нас была разорванная равнина, но мы находились со всех сторон окружены холмами, некоторые из которых были значительными.

Эти холмы и вообще холмы между Ласом и территорией Калата имеют известняковую форму.

Деревьев было немного, однако время от времени наш путь к северу отмечали то тамариск, то бабур, бер и рыб.

К тамариску присоединялись шигварг — растение, ценимое балочами за медицинские свойства, — и гиштар, любимый корм верблюдов.

В руслах потоков и водотоков, если вода фактически не видна, её можно легко добыть, сделав небольшие полости или ямы, когда скрытая жидкость просачивается и наполняет их, в то же время проходя через песок фильтрацию, благодаря которой становится прекрасно прозрачной.

В Туркабур нас в разное время посетили несколько людей, все мингалы.

Они были недостаточно многочисленны, чтобы требовать поборов под предлогом пошлины, или санг, как они называют это, и потому довольствовались небольшими подарками табака и других мелочей, которые Каликдад и другие сочли уместным сделать.

Взамен они развлекали нас мелодиями своих тростниковых свирелей, которыми все были снабжены.

Мимо нас прошла партия, тащившая за собой овцу, которая, казалось, предназначалась для каирата, или подношения у какой-то святыни, к которой они её везли.

К вечеру выпало много дождя, и, будучи незащищёнными от такой случайности, мы были ужасно промочены; гром и молния сопровождали его.

Потоки под нами быстро увеличились; их воды катились с неистовой стремительностью.

После прекращения бури объём воды также уменьшился, но, заполняя впадины в русле, наше продвижение на следующем переходе стало несколько затруднённым, поскольку на некотором расстоянии мы шли вверх по нему.

Мы разжигали костры и сушили одежду и прочее, насколько могли, когда, приблизившись ночью, снова двинулись.

Следуя по руслу потока, мы наконец покинули его и приступили к подъёму на большую возвышенность.

Преодолев её, мы вышли на прекрасную дорогу в ровной долине шириной четыре или пять миль, окружённой низкими холмами; длина её была больше.

Мы не заметили жилищ; но почва была усеяна мелкими деревьями — оливой, бабуром и перпуком, последний богат прекрасными оранжевыми цветами.

Иногда мы проходили большие могильники с масджитами среди них, обозначенными камнями, как мы видели прежде; это наводило на мысль, что эти уединённые места временами были нарушены шумом войны и осквернены резнёй враждующих воинов.

Солнце было над горизонтом, когда мы достигли конца долины, где низкие возвышения, изобилующие рыбным растением, отделяют её от равнины Вад.

Вскоре мы пересекли их и, миновав сначала отдельную скалу, а затем небольшую речушку, прибыли к сухому руслу водотока, на дальнем берегу которого стоит город, если его так можно назвать, Вад.

Мы получили его и заняли кварталы в нескольких незанятых палатках.

Мы остановились в Ваде; и поскольку теперь очистили холмы Мингал и прибыли в место, где, если власть хана Калата не особенно уважается, то опасность на дороге значительно уменьшилась, и путь дальше к Калату считается сравнительно безопасным, мои спутники, чтобы засвидетельствовать свою благодарность, закололи овцу в качестве каирата, или подношения, и отпраздновали между собой.

Глинобитные дома, расположенные примерно в ста ярдах друг от друга, образуют город.

Западная часть содержит около сорока домов, главным образом населённых индусскими торговцами; восточная часть — около двадцати пяти или тридцати домов, занятых махометанами.

Среди последних находятся жилища сирдаров, или вождей, племени великого Мингала, Иса-хана и Вали Махомед-хана; ибо город, такой как он есть, является столицей одного из наиболее многочисленных племён Балочистана.

Дом Иса-хана отличается от прочих одной древесиной внутри стен, и ни у одного из домов нет второго этажа.

С севера на юг равнина Вад имеет протяжённость от пяти до шести миль; с востока на запад она значительно шире; действительно, к западу страна открыта и холмов не видно.

Рядом с городом не видно признаков земледелия; но под холмами к востоку выращивается много пшеницы и джавари.

Примерно в пятнадцати милях к западу, немного южнее Вада, находится Налл, маленькая столица племени Бизанджу и вообще в это время враждовавшая с мингалами.

Первая теперь заключила союз с двумя другими племенами — Самаларис и Мамасанис.

Считается, что Налл напоминает Вад по размеру, но имеет замок, или оборонительное сооружение; а самими бизанджу он считается местом глубокой древности.

Вероятно, что, находясь ближе к краю плато, образованного проходом Баран-Лак и древним путём к Калату, его следует отвергнуть, что теперь объясняется дурной репутацией бизанджу, которые по свирепости и склонности к грабежу, как говорят, превосходят мингалов; и если возможно, ещё меньше подчиняются власти правительства Калата.

ГЛАВА III.

Саман-дара. — Миан-дара. — Хоздар. — Пейзаж. — Город. — Сады. — Рудники свинца. — Хаппар. — Зиди. — Выгодное положение Хоздара. — Древность. — Следы. — Душ. — Обелиски. — Багхван. — Терк. — Вожди. — Перемена температуры. — Лакориан. — Анджира. — Гохар-Баста. — Олеандры. — Сохраб. — Дорога в Калат. — Сурма Синг. — Рудинджох. — Шехер-Коки. — Возобновление пути в Калат. — Приближение к Калату. — Встретился с друзьями. — Приближение к Калату. — Отдалённая перспектива. — Фаиз Ахмед. — Его почтительность и представления обо мне. — Его политическое прозрение. — Хаджи Абдулла. — Каликдад. — Абдул Хаб. — Абдул Махомед. — Безразличное здоровье. — Занятия. — Предлагаю посетить Чехел-Тан.

Возобновив путь из Вада, мы прошли сад, принадлежавший Иса-хану, хорошо засаженный абрикосовыми деревьями и орошаемый превосходным каналом.

За ним мы пересекли широкое русло горного потока, но сухое, и немного спустя вошли в дара, или долину, называемую Саман.

Справа от нас скалы имели тёмный красновато-коричневый оттенок, слева же были приятно окрашены светлыми розовыми и пурпурными тонами, отражая лучи заходящего солнца.

Мы шли по всей дара ночью, через промежутки русло многих потоков и ручьёв, в некоторых из которых вода находилась в углублениях, и ещё в двух или трёх текли постоянные ручьи.

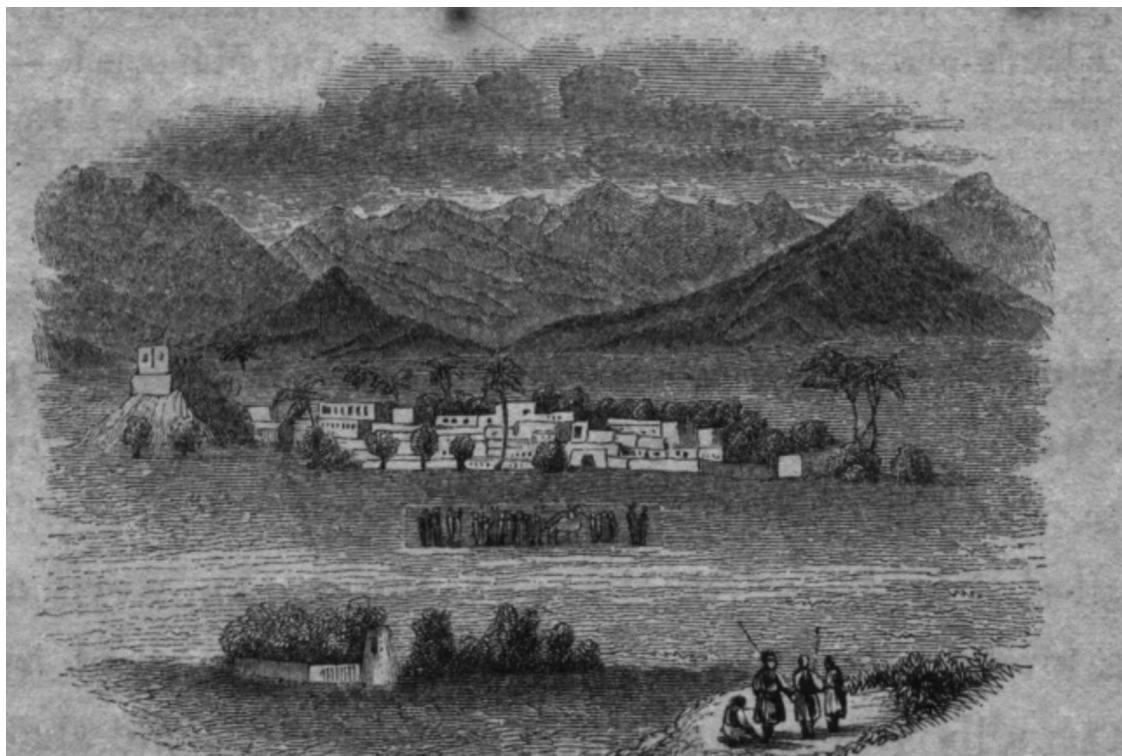
Саман-дара имела большую длину и расширялась к своей северной оконечности.

Здесь почва, очевидно, возделывалась, но хижин не было видно.

Появилось место, называемое Миан-Дара, и обычное отсутствие хижин продолжалось.

Где дара замкнулась, начались низкие холмы, но луна светила над головой, и большинство нашей партии были настолько измучены, что задремали; но Каликдад, Махомед Рафик, Юсуф и я продолжали идти и от нашего высокого верблюда вскоре увидели обширную равнину Хоздара.

Вокруг нас были небольшие участки возделанной земли; и всё же лежавший впереди город, к которому мы направлялись, после унылой страны, которую пересекли, несмотря на свою действительную незначительность, выглядел достаточно привлекательно.

ХОЗДАР.

Его окрестности были украшены финиковыми деревьями, а рядом находились два или три сада.

Наибольшая протяжённость равнины была с севера на юг; земля хорошо обрабатывалась, и по ней извивался верант, или пастбище, через который, извиваясь, текли тонкие ручьи, питаемые многочисленными источниками.

По поверхности, помимо города и разрушенного форта, стоявшего на небольшом холме, были рассеяны несколько хуторов по два-три дома каждый, водяные мельницы, рощи тутовых деревьев с бунghi, или циновочными хижинами, пастушеских балочских семей.

Такие особенности, вместе с пасущимися стадами овец и коз и табунами верблюдов, составляли пейзаж равнины Хоздара; но наибольший интерес он имел в то утро, когда я впервые увидел его из-под тени очень высоких холмов резких и необычных очертаний, ограничивающих его с востока и юго-востока и фактически закрывающих от него солнечные лучи, тогда как остальная страна вокруг освещалась ими.

Не менее интересно было наблюдать постепенное уменьшение тени, отбрасываемой на долину этими холмами, и отмечать противоположность её мрачной и солнечной частей.

Спустившись на равнину, мы пересекли сухое русло нала, или руд-кхана, воды которого, когда увеличиваются дождями, текут в реку Хаб и останавливаются под несколькими деревьями немного к востоку от города.

Наши друзья присоединились к нам на следующий день и пожаловались на одного человека, которого мы приобрели из Вада.

Город содержал около шестидесяти домов, среди которых лишь три были заселены индусскими торговцами.

Прежде, как мне сказали, здесь жило до тридцати, когда это место было более процветающим.

Здесь есть небольшая искусственная таппа, или холм, на которой находятся разрушенные стены современного сооружения.

Его сады дают виноград, абрикосы, дыни, шелковицы и гранаты; последние считаются хорошими.

Из овощей здесь мети, колфа, бад-ранг и бадинджан.

Пшеница выращивается в больших количествах и вывозится, обеспечивая хорошую цену благодаря превосходному качеству.

Ручьи окаймлены мятой, звездоцветами и двумя или тремя разновидностями ириса.

В холмах близ Хоздара находится свинец, который, будучи легко плавким, выплавляется брагуйскими племенами для изготовления пуль, но от присутствия металла не извлекается иной выгоды.

Говорят, встречается также сурьма.

К западу от городка Хоздар и примерно в десяти милях находится небольшой город Хаппар, столица округа, населённого племенем Кайдрани.

Примерно в пятнадцати милях к северо-востоку находится небольшой город Зиди, принадлежащий племени Сахоли.

Положение Хоздара, казалось бы, выгодно, так как здесь сходится много дорог; и благодаря его возможностям сообщения с соседними областями трудно объяснить его полное запустение.

Помимо дорог, которые ведут к нему с побережья, из западных провинций и из Калата, одна идёт из Гандавы, другая ведёт из Суви в Синд.

Хоздар, романтизируя на персидский лад и прежде видевший лучшие дни, представляет соблазнительное место.

Оно занимает столь большую площадь, что я бросил взгляд на равнину, чтобы выяснить, есть ли какой-либо предмет, к которому можно было бы отнести его.

Моё внимание было направлено на значительную таппу, или холм, к северу от города и по направлению моих шагов.

По дороге я обнаружил почву, усеянную на очень большом пространстве обломками обожжённого кирпича и керамики; более того, я не мог определить её полного протяжения.

Некоторое время я бродил по ней в надежде подобрать реликвию, возможно монету.

В этом я был разочарован, но встретил множество кусков железного шлака и обломков тёмно окрашенного стекла или иной стекловидной субстанции.

Сама таппа имела остатки сырцовых стен, сравнительно современных, на вершине, а у её основания были рассыпаны несколько шелковичных деревьев.

Вечером дождь лил потоками.

Руд-кхана мгновенно наполнилась потоком необычайной силы и стремительности, который столь же быстро уменьшился и исчез.

Утром её русло снова было сухим.

Из Хоздара мы следовали по берегу руд-кхана.

Почва в этом направлении также была усеяна фрагментами обожжённого кирпича и керамики.

Мы достигли грубого обелиска из глины высотой двадцать-двадцать пять футов; основание из цементированных камней.

Это могло быть пограничным знаком или, вероятно, погребальным памятником, поскольку форма наблюдается на некоторых кладбищах близ Калата.

Он стоит на краю руд-кхана, в которое в этом месте ведёт дорога.

Впереди находилось старое здание, которое, достигнув его, я предположил бывшим масджитом, и оно стоит на старом месте погребения.

Это единственное сооружение в равнине Хоздара, построенное из обожжённого кирпича и пересекающее нашу дорогу.

Путь из Хоздара в Багхван проходит через просторную дара, не имеющую ровной поверхности, но волнистую.

При входе в равнину Багхвана мы прошли среди нескольких небольших деревень, смешанных с руинами старого форта, построенного прочно, с несколькими зиаратами и гробницами необычного вида.

Мы остановились на северной оконечности равнины, близ мельничного потока.

Багхван представляет собой скопление небольших деревень, перемежающихся садами и деревьями.

Плоды — инжир, абрикосы, виноград, гранаты, яблоки, сливы и дыни.

Есть выращивание трав и обширное выращивание пшеницы.

При входе в равнину нас порадовал аромат растения, теперь впервые встречавшегося, называемого терк, по-пушту, и банти в Кур Гали, столь обычного по районам Хорасана и Афганистана.

Багхваном пользуются четыре брата, из ветви Элтарз Заи племени Камбарари, главные из которых Камал-хан и Чапар-хан.

Они родственны хану Калата.

Примерно в пяти милях к западу от Багхвана линия деревьев под холмами указывает на местность Шехер Мир, небольшую деревню, где хан Калата живёт, когда посещает эту часть страны.

Мы остановились в Багхване в течение дневной жары и к вечеру возобновили путь, войдя в низкие холмы, которые здесь считаются пределами между Хиндустаном и Хорасаном.

Климат и растительность последнего региона [начинаются здесь]; и во время этого ночного перехода мы ощутили заметное снижение температуры.

У меня не было средств проверить высоту Багхвана или какого-либо другого места, которое я отметил, столь точно, как изменение климата и растений обозначало её так ясно — Гандамак и Джигдаллак на дороге между Пешаваром и Кабулом, оба находятся на границах ароматного терка.

Наш путь лежал по мрачной бесплодной стране, пересечённой оврагами и водотоками.

Участки возделанной земли время от времени встречались, и мы пересекли случайный чишма.

К рассвету мы достигли ровной долины Лакориан, где были любопытные остатки стен, парапетов и валов, построенных с заботой, из камня, которые, казалось, были фасонными.

Моя возможность наблюдения была слишком мала, чтобы позволить мне составить какое-либо определённое мнение относительно назначения этих сооружений, но было очевидно, что они являются остатками других дней.

Покинув равнину Лакориана, которая значительно возвышена, короткий спуск соединяет её с более обширной равниной Анджиры.

Над этим ущельем природа в одном месте вставила стену из скалы, и недостаток был исправлен работами из сходных материалов и мастерства.

Унылая равнина Анджиры имеет по краям окружающих холмов близ Лакориана тот же вид стен, парапетов и прочего.

Предание не стремится предложить что-либо относительно этих воспоминаний прошлого.

Я заметил, что в дара реки Муллох, вдоль линии дороги от Сохраба до Панджгура и в окрестностях Калата, особенно в дара Керты и Родбера, между Калатом и Кертой, встречаются аналогичные сооружения.

Равнина Анджиры имеет склон от Лакориана.

Мы остановились у чишма, где было немного вспаханной земли, но над равниной не было ни деревни, ни хижины.

Отдохнув и освежившись в Анджире, мы после полудня отправились в Сохраб.

Мы пересекли сухое русло водотока, на котором находилось множество кустов гандери, или олеандра, теперь покрытых великолепными пучками красных цветов.

Эти растения, как я помнил, украшали ручьи холмов между Хистом и Камареджем в Персии.

Говорят, их листья ядовиты для скота, и брагуи имеют поговорку: «Am chi tâlen ka jor», или «Горький как джор», последнее слово обозначает олеандр.

Дорога до Сохраба была довольно хорошей; справа, или на север, шёл хребет Кох Миран, тянувшийся от Анджиры.

При достижении Сохраба мы увидели, на некотором расстоянии к западу, линию деревьев, место деревни Нигхар, через которую идёт дорога в Панджгур и Кей.

Миновав деревню Дан, среди некоторой хорошо возделанной земли и с хорошим каналом орошения, мы сошли с дороги к деревне Сохраб, где остановился Каликдад.

Фаиз Махомед и его партия прошли немного дальше к Родинджоху, небольшой деревне, окружённой шелковичными рощами.

В Сохрабе находились два или три индусских жителя, но не было ни в одном из шести или семи деревень, сгруппированных в этой равнине.

Ночь была очень холодной, как и вода.

Из Сохраба восходящая и просторная долина была ограничена с обеих сторон параллельными хребтами холмов.

Те к востоку имели резкие и фантастические очертания, но умеренную высоту; западные были более возвышены и продолжали Кох Миран.

Под ними или немного выше небольшая деревня Хайка, а за ней Дилвар-шехер.

Ещё дальше на их основании видны несколько красных холмов, которые, как указывали, являлись местом деревни Кисандун, куда люди из Калата ездили ремонтироваться и наслаждаться летними пастбищами.

В нашем движении мы пересекли сухое русло руд-кхана, которое затем проходило возле нас справа.

Мы миновали несколько мелких возвышений сразу слева от него, называемых Сурма Синг, где, как сказано, иногда можно собрать сурьму, откуда и название.

Скалы имеют, действительно, тёмно-синий или пурпурный оттенок.

За их пределами, в месте, называемом Дамб, где вода находится в отверстии или колодце в русле руд-кхана, мы отдыхали некоторое время, после того как ушли от дороги к Родинджоху, деревне из двадцати пяти домов; и здесь остановились на ночь.

В этом месте было два или три заброшенных сада, как много сарджи, и ивовые деревья на границах канала орошения, а на небольшой возделанной земле.

На равнине к западу от деревни была таппа, на вершине которой находилось несколько руин глиняных стен, и снова, под ближайшими холмами к ней, находился разбросанный, как утверждают, старый город, по преданию называемый Шехер Коки.

На том же основании говорилось, что он был разрушен Мингиз-ханом, которому также приписывают заслугу запрудить различные источники, из которых вода, как полагают, когда-то выходила и удобряла равнину.

Несомненно, и здесь, и в Калате источники имеют вид того, что они были намеренно закрыты.

Поскольку следующий переход должен был привести нас в столицу, мои спутники и ферингийские друзья не прибегли к помощи туалета.

Бритвы были пущены в ход, головы должным образом выбриты, а бороды и усы соответственно подстрижены, тогда как бельё, которое не менялось в течение пути, было заменено чистыми припасами.

Каликдад один не изменил ни своего вида, ни внешности и вошёл в Калат на следующий день столь же грязным и добродушным, каким был в течение всего пути.

Наш путь в Калат проходил через широкую ровную дара.

Холмы к западу, называемые Калагхан; те к востоку, Кох Куки и Сайяд Али; последние, находящиеся близ Калата, у Кох Зора.

Сама дара называется Рех и даёт немного пшеницы в дождливые сезоны.

Примерно на полпути низкие возвышения замыкают дара, и среди них находится место, называемое Тахт Бадшах, или Царский трон.

Приближаясь к Калату, нас встретил Абдул Вахад, брат Каликдада, а затем несколько других людей, пришедших приветствовать своих родственников и друзей, заметивших несколько ранее их приближение.

Фаиз Махомед, который опередил нас из Родинджоха.

Приближаясь к холму, называемому Кох Мирдан, к западу, причём Кох Зор был непосредственно к востоку, мы впервые увидели сады Калата, а после обхода Кох Мирдан получили прекрасный вид города, который, с его высокой мири, или укреплённым дворцом, склоном, поражающим внешним видом, несомненно мог бы порадовать взор по зелени садов, покрывающих равнину.

Пространство равнины и холмов впереди, над которыми виднелась вершина Чехел-Тана, ясно различимая, намекало на множество новых сцен и будущих удовольствий.

Это способствовало увеличению удовлетворения, с которым я впервые смотрел на Калат.

Мы двинулись в город немного южнее, в пригороде, занятом племенем Баби, афганцами.

Их первой заботой было предоставить мне отдельное и удобное жильё.

По моему прибытии в Калат одним из первых моих посетителей был Фаиз Ахмед, самый богатый и почтенный из купцов Баби и двоюродный брат Каликдада.

Он высоко одобрил внимательность, проявленную ко мне во время пути.

Каликдад был одним из четырёх братьев; Хаджи Абдулла — старший, после которого был мой друг; затем Абдул Хаб и Абдул Вахад.

Четверо состояли в своего рода торговом товариществе, к которому присоединился Фаиз Ахмед; и отношения были союзом тех пяти лиц, что имели общий стол.

Теперь я стал их общим гостем.

Фаиз Ахмед пользовался всеобщим уважением, и вполне заслуженно.

Он задумал, что я являюсь агентом британского правительства, и хотя он не навязывал мне свои представления, после того как я сказал ему, что они неверны, он часто пытался склонить меня, иногда предлагая большие суммы денег, принимая взамен тратты на Бомбей; и в других случаях побуждая меня принять ценную лошадь, которая, по его словам, могла отвечать моим целям как подарок хакиму, или губернатору Бомбея.

Фаиз Ахмед пользовался уважением у хана Калата, который не раз хотел отправить его с миссией в Бомбей.

Однако эта честь была отклонена, главным образом потому, что купец боялся моря, которое он решил встретить лишь тогда, когда его религиозный долг потребует от него отправиться в паломничество в Мекку.

Чтобы дать представление о его политическом такте, я могу отметить его слова, когда, говоря о партии, направлявшейся в Лахор через Синд, которую, как я позднее узнал, возглавлял капитан Бёрнс, он спросил, не был ли послан врач, прикомандированный к ней, чтобы исследовать пульс Ранджит Сингха и определить продолжительность его жизни.

Хаджи Абдулла, старший брат Каликдада, был человеком особого характера; фанатиком, несколько сумасшедшим.

Он притворялся дарами базургхи, или вдохновения, и повёл себя то как мастур, зажигающий огонь в хижинах индусских факиров и запрещающий употребление табака.

Он обычно ездил на белом осле, которого взял с собой в Мекку.

Подарок кофе, который я ему сделал, очень его порадовал, так как его отвары, рассеивая сон, позволяли ему просиживать большую часть ночи и читать Коран.

Хаджи, из-за своей эксцентричности, привык одеваться странно и был сахт, или скуп, до некоторой степени.

Каликдад, как уже было известно, был дородным, добродушным человеком, который, казалось, не имел иных желаний, кроме поддержания своей дородности, тихо проходя по жизни и зарабатывая одну рупию из двух в обычном ходе торговли.

Абдул Хаб был очень трезвым, степенным и хорошим человеком.

Он был образованнее своих братьев и считался учёным человеком семьи.

Он иногда ездил в Синд и Кандагар по торговым делам фирмы.

Абдул Вахад, младший из братьев, хотя и получавший небольшую долю в прибыли от торговли, никаким образом ею не занимался.

Он вёл то, что можно назвать жизнью джентльмена, то есть всегда бездельничал.

Вскоре он привязался ко мне и, не имея ничего лучшего, большую часть времени проводил в моей компании.

С Латифом, младшим братом Фаиза Ахмеда, он стал самым постоянным из моих спутников.

Когда я прибыл в Калат, его вождь Мехраб-хан, как говорили, находился в Гандаве, в Качи, но день или два спустя, как передавали, собирался собрать армию, либо чтобы быть готовым против любого движения сирдаров Кандагара в северную провинцию Джалалаван, либо чтобы привести в порядок мятежные племена на западе и провинцию Кей.

Город находился под попечением молодого брата хана, Мир Азем-хана, но фактическая власть была возложена на Дарогах Гул Махомеда, человека весьма уважаемого.

О моём появлении было сообщено Дарогаху, и было предложено, чтобы я был джасусом, или шпионом.

Он ответил, что это очень вероятно, но мой предмет не мог находиться в его стране холмов и скал.

Вскоре я обнаружил, что, вероятно, буду задержан некоторое время в Калате, ожидая спутников для продолжения путешествия на север; но я мог бы очень приятно провести время в месте столь тихом и где жители были все классы весьма вежливы и услужливы, если бы здоровье моё, к несчастью, не подвело меня.

Плохое состояние помешало мне совершить многие экскурсии, которые я задумал, и я был вынужден ограничить усилия выяснением фактов и собиранием сведений, иллюстрирующих часть страны, в которую привела меня моя удача, или, если воспользоваться махометанским выражением, мой насиб.

Случилось, что Гул Махомед, уважаемый уроженец Ханека, деревни у подножия Чехел-Тана, который некоторое время гостил у Фаиза Ахмеда в Калате, собирался вернуться домой.

Я задумал желание сопровождать его, а также посетить Чехел-Тан, чья суживающаяся вершина постоянно дразнила мой взгляд, где бы я ни двигался, надеясь принести пользу здоровью переменой воздуха и упражнениями.

Я сообщил о своём желании Фаизу Ахмеду, который одобрил поездку, рекомендовал меня вниманию Гул Махомеда и поручил ему проводить меня к дому Шади-хана в Мастунге.

ГЛАВА IV.

Отправление из Калата. — Гробница. — Баба Вали. — Деревни. — Малгозар. — Зиарат. — Гхиддаран. — Карез Гарани. — Балочская семья. — Пир. — Шепардова щедрость. — Балоч. — Его намерение. — Оставление их. — Гхвен-дерево. — Мангарчар. — Балочское гостеприимство. — Равнина Мангарчара. — Амбар. — Кур. — Томан. — Добро пожаловать. — Фати Махомед. — Раненый человек. — Брагуйская благодарность. — Дхаи Бибу — Его соперник в щедрости. — Кенитти. — Гул Махомедовы благочестивые услуги. — Искажённые холмы. — Цветущие растения. — Прекрасный вид. — Аб-Чотох. — Жёлтая охра. — Холмы Ханда. — Неприятная ночь. — Сир-и-аб. — Иллайяр-хан. — Приём. — Шади-хан. — Его раненый родственник. — Фрай. — Балочские обязательства. — Сады. — Гробницы. — Мастунг. — Чам-мари. — Прощание с Шади-ханом. — Мир Гхар. — Махомед Заи. — Тири. — Шейх Лангхоу. — Гул Махомедовы родственники. — Шам Заи. — Гул Махомедова резиденция. — Хайрат. — Зной. — Томан. — Общество. — Подготовительные меры. — Опасения. — Начало пути к Чехел-Тану. — Подъём. — Трудности. — Преодолённая вершина. — Место остановки. — Балочская трапеца. — Его превосходительство. — Огонь между массаами. — Дальнейшее продвижение. — Подъём к вершине. — Зиарат. — Спуск партии. — Обширный вид. — Дашт-и-доулат. — Холмы. — Кох Дохджи. — Вершины в Хорасане и Персии. — Памятники о посещении. — Ископаемые. — Разновидности. — Отделение партии. — Вода. — Бдительность Гул Махомеда. — Быстрое восприятие. — Сошёл с дороги. — Роща. — Объекты. — Животные и растения Чехел-Тана. — Вариации температуры. — Зона. — Энтузиазм брагуев. — Высота Чехел-Тана. — Снег. — Пики. — Обширный вид. — Удобства для съёмки. — Зиарат Чехел-Тана. — Легенда. — Хазрат Гхоус. — Его благословение. — Брагуйская доверчивость. — Юношеское поминовение. — Объявленное возвращение в Калат.

В компании с Гул Махомедом я отправился на рассвете, накануне временно простившись с моими калатскими друзьями.

Огибая стены города на небольшом расстоянии, мы миновали гробницу сына Вакила Фати Махомеда, убитого своим родственником Ходжабакшем, бывшим сирдаром Джалавана.

Это один из обычных восьмиугольных памятников, увенчанных куполом, хотя построен всего пятнадцать или шестнадцать лет назад, и всё же, являясь одним из наиболее заметных предметов такого рода близ Калата, он из-за скоропортящейся природы материалов и из-за малого умения своих архитекторов быстро приходит в упадок.

Примерно в миле от него, слева от нас, под отдельным холмом находятся зиарат и сады Баба Вали.

Здесь находится хороший источник воды и праздничное место для жителей города, часто посещающих его, особенно индусами.

По прямой линии, справа от Баба Вали, была деревня Кбинг, состоящая из разбросанных групп сельскохозяйственных домов, с тремя или четырьмя соседними садами.

Наша дорога приближалась к северной оконечности холма Баба Вали, под которым находится водоток, который мы пересекли, пока не вышли на деревни Малгозар и Малари, дорога шла между ними.

Они состояли соответственно из многочисленных разбросанных домов, большая часть которых находилась в руинах, и здесь были небольшие сады с обширным выращиванием гали, галларчи, аспуста и табака.

Равнина была открытой и хорошо орошаемой.

Миновав последнее жилище Малгозара, красиво расположенное в саду вокруг огромной массы скалы, справа от нас непосредственно тянулась гряда низких холмов.

Равнина поднималась и была покрыта обычными дикими и душистыми растениями страны.

Примерно в трёх косах от Калата мы поравнялись с деревней Зиарат, расположенной под низкими холмами слева от нас, примерно в миле.

Косом дальше мы вышли на линию с Гарук, также слева и на противоположной стороне холмов, но видимую через проход в них.

Ручей Гхиддаран исходил из холмов справа от нас; этот поток, повернув на пять или шесть миль, течёт на запад через равнину к Зиарату, откуда извивается через холмы на равнину Чаппара.

Он имеет хороший объём воды и является собственностью короны.

На месте, где мы его пересекли, стояла мельница, и мы посидели минуту-другую под прекрасными плакучими ивами.

Берега ручья были обильно окаймлены ароматной пудиной, или мятой, в большом изобилии.

Примерно в полумиле от этого места мы вышли к скоплению разбросанных домов, называемому Карез Гарани.

Здесь было немного возделывания и множество групп тутовых и абрикосовых деревьев, но ничто из того, что можно было бы назвать садом; нельзя было назвать дома и деревней, так как они обычно стояли в руинах и без обитателей.

Здесь было много отдельно стоящих бунghi, или чёрных палаток, а к северу от возделываемой земли — довольно большой томан, термин, применяемый к собранию бунghi.

Воды было много.

Мы нашли балочскую семью близ нескольких разрушенных домов, где женщины были довольно и цивилизованно готовы приготовить нам хлеб, поскольку Гул Махомед предусмотрительно привёз муку из Калата.

Возник вопрос, что есть вместе с хлебом, и Гул Махомед постарался показать, что я слишком важная персона, чтобы ограничиваться одним хлебом.

Мужчины семьи отрицали наличие какой-либо галлы, или дынь; но женщины знаками дали нам понять, что принесут немного, когда хмурые мужчины уйдут.

Хлеб, превосходно приготовленный, был принесён нам вместе с роганом, или топлёным маслом; но мужчины, сидя вместе с нами во время трапезы, наши прекрасные хозяйки не имели возможности доказать правоту, которое завершилось тем, что после того как мы закончили еду, мужчины оставили нас отдыхать и тоже отправились по делам.

Мы простились и продолжили путь по унылой восходящей равнине, пока не вступили в долину среди холмов, где должна была вести наша дорога, пока мы не достигнем равнины Мангарчара.

На нашем пути мы не нашли воды, но в одном месте тропа слева от нас вела, как сообщил Гул Махомед, к источнику воды.

Однако мы не остались страдать от жажды.

Пастух, пересекавший нашу тропу со своим стадом, щедро снабдил нас пахтой.

Гул Махомед, который был старше меня, не всегда мог двигаться столь быстро, как я, и часто находился на некотором расстоянии позади.

Это произошло, когда в течение этого дня я достиг вершины небольшого возвышения, откуда, заметив балоча, идущего ко мне, остановился.

Добрый человек подошёл и сразу увидел, что я чужестранец.

Он грубо задал два или три вопроса, один из которых состоял в том, являетесь ли вы одиноким; мои ответы были непонятны ему, и он настороженно всматривался, рассматривая возможность взять меня на свободу, то есть то, что каждый варвар в этих странах считает

своим неотъемлемым правом по отношению к незащищённому чужеземцу, — присвоить его собственность.

У него была только крепкая палка, а у меня был похожий предмет — подарок капитана Уиллока — и ветка с дерева в Ватерлоо.

Поэтому я был спокоен в случае нападения, ибо, если бы мне даже пришлось потерять худшее из этого, мне оставалось лишь направить внимание парня к Гул Махомеду, медленно подкрадывавшемуся по тылу, и он должен был отказаться или быть одураченным.

Полагаю, он понял, что я находился под особой заботой моего спутника; он мгновенно сел на землю, не зная, был ли у меня друг или соратник поблизости.

Вскоре я также сел сам.

Гул Махомед присоединился; и, оставив его отвечать на расспросы земляка, я снова пошёл своим путём.

Эти холмы были обычно низкими и покрыты почвой.

Несколько чахлах деревьев иногда видны на более высоких, которые, вероятно, были джхувенами, разновидностью мастикового дерева, обычного на холмах Балочистана, также на персидских холмах между Персеполем и Йездикхастом, где оно называется бани.

Мелкая фарфоровая глина была в изобилии в одном месте.

На закате мы покинули их и вошли в равнину Мангарчара.

Здесь мы спустились к ручью, стекающему справа от нас со стороны Калата к Мастунгу и Шаллу, который в течение всего года имел много воды, отделённый от нас холмами.

Гул Махомед представил её совершенно ровной.

Направляясь вверх по долине, отмеченной параллельными хребтами холмов, но бедной водой, мы направились к ближайшему томану; прежде чем достигнуть его, мы пришли к лужице дождевой воды.

Как только балочи увидели приближающихся чужеземцев, они расстелили ковры перед своими палатками.

Нас учтиво приняли, и к ночи снабдили ужином из хорошего хлеба и рогана.

Я был очень утомлён, покинув Калат нарочно пешком, чтобы в полной мере получить пользу от упражнения.

Наши хозяева были из племени Лангхоу и были бедны, существуя главным образом на прибыли, получаемой от аренды их верблюдов, которых они сдавали купцам.

Равнина Мангарчара имела очень унылый вид.

Немного домов и деревьев действительно встречалось в одиночных местах, но везде она была пересечена полосами, или насыпями, предназначенными для задержания дождевой воды с целью орошения.

Томаны балочских племён, населявших её, были повсюду рассеяны по ней.

Многие из них находились на окраинах и высотах окружающих холмов, и чёрные неприглядные обиталища скорее усиливали, чем рассеивали мрак бесплодного пейзажа.

Мы затем нашли томан Амбар, где два или три глинобитных дома и несколько тутовых деревьев.

Здесь также было изобилие воды в каналах и большое выращивание аспуста.

Это была решительно самая плодородная часть Мангарчара.

Отсюда мы направились поперёк равнины на север, к заметной таппе, или холму, минуя в пути разделение, называемое Манде Хаджи, имея слева, или на западе, то, что называется Кур.

От Кура дорога ведёт в Нушки.

Огибая Мангарчар с востока, стоял высокий холм Кох Миран.

Достигнув таппы, мы нашли её, как и окрестности, усеянной обломками керамики.

Затем мы сделали для себя томан немного к востоку от неё, где жили некоторые родственники Гул Махомеда.

Как только мы подошли достаточно близко, чтобы заметить действия обитателей бунгхи, мы увидели, что они были заняты подметанием и приведением в порядок ковров, заметив приближающихся чужаков и, вероятно, узнав моего спутника.

Нас приготовили самым гражданским образом, и для нашей трапезы был приготовлен пирог.

При прощании к вечеру наш хозяин, Фати Махомед, почтенный пожилой человек, поцеловал мне руки и испросил моего благословения, заметив, что важные гости редки.

Он также просил меня посетить томан на нашей дороге, где лежал молодой человек, раненный пулей из мушкета и находившийся в опасности от кровотечения.

Соответственно мы пошли к томану; и мне столь повезло остановить кровотечение приложением холодной воды, паутины и давлением.

Я не знал, к кому принадлежали эти палатки, но впоследствии обнаружил это в такое время и таким образом, что оно достойно упоминания, хотя бы ради справедливости к брагуйской благодарности.

После сдачи Калата повстанцам, в 1840 году, когда лейтенант Лавдей и я были взяты в плен и доставлены к миру, при прохождении квартир Дерахи-хана, примерно сорок или пятьдесят мечей были обнажены против нас, человек бросился между мной и нападавшими и, если бы всё не было доведено до предела, вероятно, сохранил бы меня.

Я обнаружил, что это был Маха Сингх, вождь Лангхоу, и что именно в его палатке мне удалось, как здесь отмечено, однажды остановить кровотечение, которым он напомнил мне о себе и сказал, что узнал меня; — «Я не забыл его».

Между этими двумя томанами мы прошли хороший сад — единственный на равнине, принадлежавший Дхаи Бибу, дхаи, или кормилице, хана Калата в его младенчестве, древней женщине, теперь знаменитой богатством и щедростью и прежде столько же личной красотой и политическим влиянием.

Этот сад стоит в участке, называемом Зард, самой северной части равнины Мангарчара.

На некотором расстоянии за ним мы миновали другую древнюю таппу, и вокруг неё было много возделывания.

Наконец мы достигли жилища индуса, знакомого моего спутника, где остановились на ночь.

К востоку от нас находились руины деревни, называемой Зард, которая представлялась процветавшей лишь два года назад, когда Мехраб-хан с армией стоял там лагерем.

Присутствие защитной или вторгающейся силы одинаково вредно для несчастных жителей этих стран.

Индус, наш хозяин, был единственным оставшимся свидетельством населения Зарда.

Этот бедняга снабдил нас одеждой на ночь и ужином из хлеба и молока.

Гул Махомед узнал здесь, что двое его сыновей привели своих верблюдов в Мангарчар в этот день для выпаса, и послал за ними, желая, чтобы один из них присоединился к нему с верблюдом.

Старший пришёл и, приветствовав отца, вернулся, так как было решено, что младший будет сопровождать нас утром с верблюдом.

Собираясь проститься с нашим индусом, я велел Гул Махомеду сделать ему небольшое признание за ночное гостеприимство, когда выяснилось, что он намеревался оказать свои гостеприимные услуги безвозмездно.

Теперь, как будто решив не быть превзойдённым в щедрости, он тотчас приказал жене растопить печь и не позволил нам уйти, пока мы не позавтракали, поставив перед нами лепёшки, хлеб, пахту, яблоки и сушёные шелковицы.

Младший сын Гул Махомеда прибыл с верблюдом и козой на спине животного, устроенной для меня.

Мы прошли равнину на север около шести миль, когда достигли Кенитти, деревни теперь из всего лишь пятнадцати обитаемых домов, но с гораздо большим количеством необитаемых.

Её разорение, как и Зарда, приписывалось присутствию армии хана.

Между нею и Зардом нет жилья; вода находится в двух или трёх местах, а в центре долины есть водоток, снабжённый дождевыми стоками, но солоноватой водой, почва насыщена селитрой и покрыта кустами карликового тамариска в некоторых местах.

В Кенитти были несколько шелковичных и абрикосовых деревьев; и она находится в южной части этого направления района Мастунга.

Немного после прохождения Зарда Гул Махомед внезапно свернул с дороги.

Я спросил, куда он идёт, и он ответил: «к могилам его предков».

Достигнув места погребения, он остановился у изголовья многих могил и с руками, поднятыми к небу, повторил короткие молитвы, после чего очень осторожно заменил камни, которые, возможно, были смещены с их первоначального положения.

Мы не остановились в Кенитти, но продолжили путь по равнине, имея слева только что упомянутый водоток, русло которого расширилось и заросло тамарисковыми кустами.

Наконец мы вошли в холмы справа, по отверстию, образованному сухим и каменистым руслом горного потока, вверх по которому двигались на большое расстояние, пока не достигли узких пластов искажённого напластования, состоящих из тонких слоёв, соединённых промежуточными линиями цемента.

Открытая равнина впереди, или к северу, привела бы нас к Ханаку, но нашей целью было сперва снова приобрести Мастунг, поскольку путь, которым мы теперь следовали, был более прямым.

В дара обычных ароматных растений страны было много, и контраст их красных и синих цветков давал приятный эффект, поскольку они встречались массами или грядами.

Единственными деревьями были джхувены.

По мере продвижения вверх по дара мы постоянно поднимались по постепенному уклону, наша дорога к гребню холма была быстрой и не без большого труда пройденной; действительно, меня не заставляли спешиваться с верблюда, хотя на виде очень длинного и крутого спуска передо мной я некоторое время сидел наслаждаться перспективой вокруг.

Вид был очень хорош на окружающие холмы; за ними почти ничего другого не было видно.

На полпути вниз по перевалу мы пришли к источнику воды, где было место для стола, достаточное для большого лагеря.

Он называется Аб-Чотох, поскольку сами холмы называются Кох Чотох.

При достижении дна перевала нижние холмы были сформированы из превосходной жёлтой охры, а небольшие квадратные гладкие клинкеры её были рассыпаны повсюду; а на некотором расстоянии над набухающими равнинами у их подножия, словно на возвышении, холмы над поверхностью свои превосходные цвета сделали особенно красивыми, в северной оконечности равнины Ханда, которая тянется от Мангарчара до Мастунга и лежит по большой дороге из Калата.

Это длинная узкая долина без деревень и домов, и маленькие холмы к востоку замечательны гладкой и покатой поверхностью, простирающейся в равнину.

Впереди мы увидели два или три дерева, свидетельствовавшие о нашем приближении к Мастунгу, но ни он, ни его сады не были видны.

Мы размышляли, не провести ли вечер в городе, но к Мастунгу направились в шесть и, поскольку выпал сильный дождь, мои спутники искали убежища в овраге, что в действительности принесло больше вреда, чем пользы.

Я побудил их идти дальше.

Дождь продолжался всю ночь, подвергая нас дождю, который порой падал почти перпендикулярно.

Гул Махомед и его сын развели костёр, который занял всё их внимание, чтобы поддерживать его.

Время выдохнулось прибытие двух мужчин, уроженцев Килара, и они также оставались со мной всю ночь.

Я сидел под навесом, образованным моей арабской накидкой, концы которой вздувались, когда я был полностью промокшим, замечательно выдерживали дождь; однако было мало утешения.

Утром я обнаружил, что Мастунг находится не более чем в двух милях; также в десяти ярдах от оврага, в котором мы заняли место, был дом.

Я не мог не сожалеть о дурном вкусе моих спутников.

Вскоре мы прибыли в ручей, медленно текущий между и называемый Сир-и-аб, который дважды пересекли на коротком расстоянии.

Отсюда мы имели неясный вид на Мастунг, в нашем движении к которому миновали деревню Кхводжа Кхел и большой могильник.

Мои друзья в Калате поручили Гул Махомеду провести меня к дому Шади-хана Мирвари, одного из наиболее уважаемых людей этого места.

Нас случайно встретил его сын, Иллайяр-хан, который взял повод верблюда и выступил проводником к дому отца.

Нас приняли и разместили в небольшом садовом домике; превосходный мускус и арбузы были мгновенно поставлены перед нами, а вскоре после этого более существенная трапеза из хлеба и крута.

Наш хозяин, Шади-хан, простой пожилой человек, появился.

Он страдал лихорадкой, но доброжелательно принял нас.

Здесь был родственник Шади-хана, раненый ударом мушкетной пули по нижней части ноги; такая же схватка произошла из-за мелкого происшествия у Мангарчара.

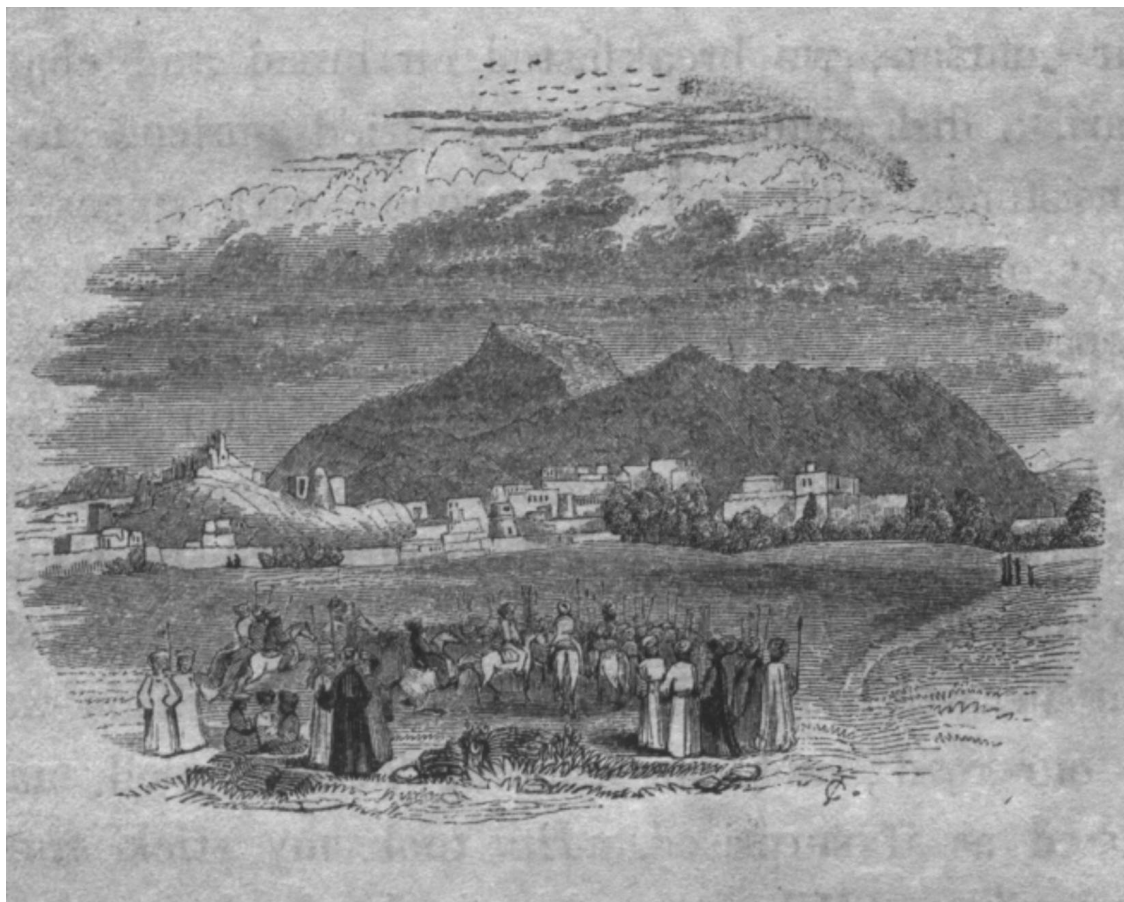
Губернатор, как я с удивлением узнал, не вмешался, чтобы предотвратить её.

Мне сказали, что это был балочский способ разрешения спора, и что губернатор руководил одной из партий воюющих сторон, обе принадлежали городу.

Бедный человек из Мангарчара был чужим, из другого племени, и никоим образом не был связан с исходом спора.

Случай сделал его гостем, или миманом, в Мастунге во время спора; и тот же варварский обычай, который повелевал ему призвать оружие, императивно заставил его защищать своего хозяина, участвовавшего в нём.

После полудня я посетил сады города, многие из которых опущены на два или три фута под поверхность, вынутая почва, вероятно, использовалась при строительстве городских зданий.

МАСТУНГ.

Я также осмотрел две древние махOMETанские гробницы к востоку от города.

Они были построены из обожжённого кирпича; и хотя пострадали от времени, всё ещё имели живописный вид.

Большая и более совершенная, как говорят, была гробницей Кхводжа Ибрахима, а внутренняя часть её стен покрыта каракулями на персидском и хиндуском письме, памятниками тех, чьё любопытство или благочестие, возможно, привело их в священные пределы.

На следующее утро я отправился на огромную вершину к югу от города, сделал с неё набросок и отметил горы Чехел-Тана.

Затем я двинулся к старой башне на другом возвышении, с которой взял пеленги и делал наблюдения на равнине и на видимых предметах.

Возвращаясь в наши квартиры, мы завтракали хлебом и чаммари — блюдом из рубленого или порубленного рогана, приправленного специями; это сразу и благодарно, и разумно.

После этого мы приготовились отправиться в Ханак, где жила семья Гул Махомеда, поскольку он тревожился присоединиться к ним, а я также ускорить посещение Чехел-Тана.

Когда я спросил Шади-хана, какая плата могла бы быть взята с него, он сказал мне, что никто не сидит у городских ворот.

Это было на нашей дороге; и, достигнув их, старик бросился к нам словно удивлённый.

Он взял у меня палку, говоря: «Куда вы идёте? Я предполагал, что вы останетесь со мной несколько дней; вы не стали бы так беспокоиться.

Я собирался убить овцу на вечер», — Гул Махомед, чьё желание увидеть семью преобладало, ответил отрицательно на все просьбы Шади-хана, и нам неохотно позволили идти.

Из Мастунга равнина мягко спускается, и мы прошли деревню Миргар, в нескольких сотнях ярдов к востоку от которой находится окружённый стеной глиняный дом с прилегающим садом, где живёт Махомед-хан, вождь ширвани-племени брагуев.

Этот человек, благодаря убийству лейтенанта Лавдей, мунши и партии из двадцати пяти или тридцати сипаев, нанёс первый удар в брагуйском восстании 1840 года, и близ этого самого места.

Политический агент в Кветте сказал мне, что считает, что существовали смягчающие обстоятельства в поведении Махомед-хана, поскольку, назначив Наиба Его Величества Шаха Суджа-уль-Мулька, мунши следовало обращаться с ним с большим уважением.

За ним пересекается глубокий овраг с проточной, но солоноватой водой, откуда равнина вновь поднимается к Тири.

Почва теперь становится песчаной.

За Тири, к северу и востоку, находится много чистого песка, поскольку в нескольких милях к северу от Мастунга, также на склонах холмов к востоку от Мастунга, Тири является окружённым стеной городом с двумя воротами и, хотя ниже по значению, чем Мастунг, занимает почти такую же площадь.

Его сады многочисленны, и плоды его обильны.

Из Тири мы прошли к Шейх Лангхоу, небольшой деревне, так называемой от зиарата с таким названием поблизости; она приятно расположена в овраге, с многочисленными садами и тополями.

Рядом с этой деревней находился небольшой томан, где жила дочь Гул Махомеда, жена одного Сахиб-хана, брат которого мы вылечили, и стала родить перед нашим отъездом.

Мы должны были начать утром к Ханаку, примерно в трёх милях, но Сахиб-хан настойчиво просил нас остаться до вечера, когда мы отправились; и равнина, спускаясь, мы были примерно на полпути к небольшой огороженной деревушке Шама Заи, у входа в равнину Ханака.

Отсюда мы направились к томану, где жил мой спутник.

Нас очень учтиво встретила его жена, Махи Биби.

Примерно в двух милях к югу находилась деревня Ханак, стоящая на большой таппе.

Примерно в полумиле к северу от нас была уединённая резиденция Ассад-хана, сирдара Сахаравана, в то время отсутствовавшего, присоединившегося к хану Калата в его лагере в Сохрабе.

Я купил овцу в качестве хайрата, или подношения, по случаю нашего благополучного прибытия; и мы угощались между собой, кроме того сделав раздачу соседям.

Теперь я находился у подножия Чехел-Тана, куда давно хотел подняться, ожидая великолепного вида на окружающие области.

Однако в некоторые дни жара была сильной, а атмосфера часто закрывалась облаками пыли и дымкой, что ни один день не обещал благоприятных условий.

Я чрезвычайно страдал от жары.

Путь из Калата благоприятно сказался на моём здоровье, которое снова подвело, когда я был вынужден бездействовать.

Томан, в котором я жил, был большим — около пятидесяти бунгхи, или чёрных палаток, и люди обычно считались непринуждёнными обстоятельствами.

Было пять бунгхи, перед которыми держали одного, двух или трёх лошадей.

Стада, принадлежащие томану, были отогнаны примерно месяц назад в Качи, куда они должны были последовать через другой месяц; зиму проводили в этой провинции.

Вскоре я познакомился с большинством здешних хороших людей и обнаружил их тёплыми и доброжелательными.

Свадьба недавно состоялась, и я был приглашён на брачный пир.

Мужчины, как и вообще брагуи, не отличались красивой внешностью, но многие женщины были очень хорошенькими.

Погода, наконец, прояснилась, и я решил подняться на холм.

Опасность путешествия была изложена, если позволите сказать, нелепо преувеличенно.

Мы, следовательно, купили овцу, и с целью найти товарищей распространили сведения о намерении совершить паломничество к зиарату на вершине Чехел-Тана.

Гул Махомед имел трёх своих сыновей, которые вместе с нами присутствовали.

Опасение, как говорили, исходило от кхакаров, которые часто посещают холм в качестве охотничьих отрядов и вымещают свою мстительность на брагуях, с которыми состоят в смертельной вражде.

В назначенное утро мы присоединились примерно двадцатью мужчинами, ведущими козу в качестве подношения святым Чехел-Тана.

Миновав жилище Махомед-хана, мы направились к холму и пришли к небольшому ручью чистой воды, текущему через наш путь, с небольшим чаманом, или лугом, по его краям.

Это обычное место остановки паломнических партий из Шалла в Мастунг, а сам поток отделяет район Ханака от Долаи.

Обычная дорога, которой партии следуют на Чехел-Тан, ведёт некоторое расстояние по склонам холма и далее по открытой долине Долаи.

Мы не шли от ручья, когда один из людей предложил подняться на холм сразу по очень прямой и лёгкой тропе, с которой он был знаком.

Последовал некоторый спор, который закончился тем, что предложивший настоял на своём, и мы последовали его следам в качестве нашего проводника.

Вскоре мы обнаружили путь труднее, чем он представлял, и Гул Махомед, пожилой человек, выражал много неудовлетворения.

Мы были вынуждены ползти, тогда как подъём почти перпендикулярен и лишь благодаря тому, что каждый шаг мы часто останавливались и восстанавливали дыхание.

В этом мы провели большую часть дня, среди ряда проклятий, наш проводник лишь по настроению; и уверяя нас на каждом шагу, что худшая часть пути позади, когда совершенно противоположное наблюдение представлялось самим собой.

Неоднократно камень представлял непреодолимую трудность; разрешалось взобраться на него, и мы оказывались на большой площадке.

Проводник теперь взял на себя заботу о себе; и, радуясь преодолённым трудностям, мы забыли их и не спорили с его утверждениями.

Некоторое расстояние привело нас к месту, где росло большое дерево апруз, или можжевельник, и к источнику дурно окрашенной, но приятной воды.

Это было обычное место остановки для партий, следовавших к вершине, и вокруг дерева и над ним висели лоскуты и клочья, обозначающие масджит.

Колодец был отверстием, или углублением, на краю покатого обрыва, его края были покрыты дикими белыми розовыми кустами; некоторые из них цвели, но большая часть была усыпана алыми плодами.

Здесь также было изобилие душистой мяты.

Костры быстро разожгли; козу, несмотря на наш великий труд, зарезали на верхних холмах, что доставило превосходное топливо.

Две огромные массы были поставлены вертикально; овца была подвешена, и целые суставы, через которые были продеты шомпола, помещались и поджаривались на вертелах между двумя массами живых углей.

Было восхитительно наблюдать, как быстро и насколько совершенно прожаривалось мясо.

Каждый человек получил свою долю, определённую, согласно брагуйской моде, жребием.

Хлеб выпекался, вбирая старый камень; затем масло было подогрето в куске теста, который бросали по горячим углям, пока оно не стало готово.

Трапеза, по моему вкусу, была достойна восхищения, и я понял, насколько справедливо балочей пословично прославляют за их кабабы, или жареное мясо; кроме того, усталость дневного пути дала мне аппетит, которого у меня давно не было.

В сумерках некоторые из нашей партии удалились к вершине перед нами, где они зажгли огромный огонь, чтобы дать своим друзьям в Ханаке знать, что они благополучно прошли паломничество.

На рассвете следующего дня мы двинулись, чтобы достичь вершины главной вершины, на которой стоит зиарат; и козу вели с нами как жертву на месте.

Наш путь был очень труден, главным образом по гладким поверхностям скал.

Я мог бы заметить, что из-за неловкости пути, как мне сообщили, в прошлом году мать Ассад-хана поднялась по нему.

По прибытии на определённое место наша партия сняла верхнюю одежду и обувь, которые вместе с оружием положили кучей.

Я, конечно, предчувствовал ужасный переход впереди.

В действительности немного дальше начался подъём на вершину: он был почти перпендикулярен и проходил по известняковой скале, часто гладкой, как будто поверхность была искусственно отполирована; но на ней нависал другой камень более неровной природы, пользуясь которым, мы могли устраивать ноги, осторожно проползая под ним.

Достигнув вершины, мы обнаружили небольшое столообразное пространство, в углу которого находился зиарат, отмеченный двумя грубыми ограждениями и несколькими тонкими шестами, с лоскутами, свободно висевшими на них.

На одном из них, выше деревьев, была прикреплена маленькая табличка, звеневшая на ветру.

Вынув компас, я обнаружил, что мои спутники не желали дать информацию; даже Гул Махомед, который в остальном был готов, был сдержан, видя недовольство остальных.

День не был счастливым для съёмки, небо было несколько мутным, особенно к востоку.

Я не мог разглядеть равнину Качи, если её вообще можно увидеть из этого пункта, и лишь смутно видел вершины Нигтоу и Бохара, заметные гребни в холмах к западу от Качи.

Кох Тоба с его огромной округлой вершиной выдавался впереди, но закрывал перспективу на север.

К югу от него находились два хребта, идущих с востока на запад, а между ними и долиной Шалл, лежащей в миниатюре под нами.

На востоке мы имели прекрасный вид на Дашт-и-Доулат, тянувшийся от основания Чехел-Тана, а за ним — нагромождение холмов, простиравшихся до Дадара.

В линию с нами находился хребет, лежащий с востока на запад, обозначавший, как я полагал, течение реки Болан, и замечательный, поскольку все прочие хребты на этой восточной стороне идут с севера на юг.

Действительно, я наблюдал, что масса холмов, отделяющая Качи от Калата, состояла из трёх различных параллельных хребтов.

Более высокий и отдалённый хребет к северу от русла Болана, как мне сказали, назывался Кох Дохджи, а тот, что находился в стране Кхака, к югу от нас, где находились районы Мастунга; но состояние атмосферы не позволило мне распознать Калат.

К западу перспектива была обширнее, и горизонт яснее.

Мы видели равнины Ханака, Долаи и Шер-Руд, с холмами хребта Кхводжа Амран, разделяющего просторную долину Пешинга от Шоравака и Битдака.

На юго-западе и Битдаке находилась высокая вершина, которую предполагали как принадлежащую холму Кхаран, который возвышается, подобно Чехел-Тану, своим зиаратом; и

мои спутники сказали, что, если день был благоприятен, я мог бы увидеть сбившуюся тёмную массу в северо-западе, которую они считали обозначающей Кандагар.

Мне понадобилось несколько пеленгов, когда мои друзья предложили вернуться; я также не мог склонить их остаться: опасение хкакаров приводилось как причина; но я вполне мог быть в панике при виде моих инструментов.

Они считали, что должны были обвинить перед ханом, будто мой осмотр его страны равносителен заключению его в мой карман.

Гул Махомед, замечая их ропот, сказал, что это был «Хукам нест», или против приказа, оставаться долго на вершине холма.

Козу занесли под понятие устройства трапезы здесь; её действительно убили, но брали решительно на плечо и приготовили у места остановки ниже.

Мужчины при спуске, я не имел альтернативы кроме как следовать за ними.

Кроме того, Гул Махомед стал очень неосторожен в ответах на мои вопросы, и я перестал делать дальнейшие.

Каждый человек поднял небольшой пирамидальный каменный холмик в память о своём посещении; а я, будучи иначе занят, Гул Махомед воздвиг один за меня.

Это были хрупкие памятники, поскольку их было необходимо присваивать кучам, образованным прежними посетителями, а последующие брали ту же вольность с нашими.

На самой вершине холма не было дикой розы.

При спуске мы были вынуждены быть столь же осторожными, как при подъёме; и я обнаружил, что лучшим планом было лечь на спину и, как было, скользить вниз.

Вернувшись на место остановки, была поспешно приготовлена трапеза; и было решено, против желания Гул Махомеда и моего, вечером достигнуть Ханака.

Первый, однако, упорствовал следовать по тому, что можно было назвать верхней дорогой, к недовольству молодых брагуев, которые хотели вернуться по дороге, которой пришли.

Наш курс лежал на север, над неровной столовой землёй с постоянным, но постепенным спуском.

Скала была вообще голой, и мы дошли до места, где я нашёл раковины и кораллы, вкрапленные в неё.

Скала была серым известняком с полированной поверхностью и настолько прозрачной, что почти приближалась к мрамору.

Раковины были морскими, четырёх разновидностей, и сразу узнаваемы как идентичные тем, что теперь собирают на морском побережье Мекрана.

Коралл был явно белым кораллом, фрагменты которого рассеяны по тому же берегу и который встречается в изобилии в слоях на противоположном, или аравийском, берегу.

Очертания окаменелостей были прекрасно определены мельчайшими кристаллизациями.

После прохождения большого расстояния мы резко свернули на дороге.

Здесь наши пять друзей покинули нас, решив идти более короткой дорогой, а также, чтобы оказаться с фиговыми деревьями, как говорили, в количестве.

Теперь со мной был Гул Махомед и трое его сыновей.

От подножия перевала мы должны были двигаться по другому неровному пространству, более изрезанному оврагами и водотоками в скале.

В одном горном ущелье находились огромные обломки скалы; в нём мы обнаружили два или три фиговых дерева и собрали плоды, которые были весьма вкусны.

Вода в полостях представлялась в двух или трёх местах, но была недоступна из-за массы гнилой растительной субстанции, упавшей в неё.

Путь, который мы следовали, вывел нас к широкому галечному водотоку, на противоположной стороне которого находился крутой земляной холм.

Мы почти достигли водотока, когда Гул Махомед услышал, как с высокого холма скатился камень, и поскольку его воображение было полно кхакаров, он понял, что это может быть нишан, или сигнал.

Он соответственно, вместе с сыновьями, поправил оружие и быстро двинулся.

Мне для моего времени показалась беспокойной мысль, что добрый старик и его трое сыновей должны быть отсечены в содействии моему удовлетворению.

Однако я не сделал замечания, поскольку это было бесполезно; и мы достигли края водотока, который был очень глубок и широк под нами.

Мои спутники увидели нечто на противоположном холме, и один из сыновей Гул Махомеда, преклонив колени, выровнял ружьё.

Он ответил утвердительно, и они разрядили свои ружья.

Сразу после они все бросились на землю, ожидая, как я полагаю, ответного огня, ибо, как я предполагал, стреляли в какого-то несчастного кхакара.

Они затем прошли немного с согнутыми телами и опущенными руками, когда, заметив, что они не перезаряжают, я спросил, почему они не делают этого, и обнаружил, что объектом их внимания был горный козёл.

Теперь мы спустились в русло водотока, по которому шли, пока он не сузился и не углубился, перпендикулярные стены скалы большой высоты.

Их было много, поросших зелёной скользью, из которой, казалось, сочилась вода, хотя на нас ни капли не падало.

Этот мрачный дефиле имел некоторую длину, и из него мы вышли, к нашей радости, на равнину Долаи.

Теперь стало темно, и наша дорога вела к Ханаку на юг.

Равнина, по которой мы слегка ступали, была покрыта терком, который издавал свой запах ночью.

Мы прошли палиес, или melon-ground.

Фруктов не было спелых, но мы нашли множество собранных и сложенных в кучи, поскольку они впоследствии усердно варятся.

Наши друзья, которые нас опередили, прибыли сюда при дневном свете.

Это они сделали ради нашей выгоды, заключив, что мы не достигнем его до ночи и что должны быть жаждающими.

Наконец мы прибыли в Ханак в состоянии, сделавшем отдых желательным.

Чехел-Тан богат предметами, интересными натуралисту.

Среди животных, обитающих на его склонах, — дикие овцы и пешкоза.

Среди растений имеются три или четыре разновидности ферулы; самая большая, называемая сашлак, даёт камедь-смолу, возможно опопонакс, или, как её называют в Персии, джосшир.

Машмук — большой комковатый куст с мелкими листьями и даёт очень чистую камедь, которую можно собирать в количестве, но которой пренебрегают.

Дерево гаш также представляет собой довольно крупный куст и на холмах к северу от Кабула даёт ширхишт, или манну.

Гхвен является разновидностью мастикового дерева; оно даёт воскообразную смолистую камедь и имеет ягоды, которые, помимо употребления в пищу, дают при отжиме мягкое масло.

Апурс, или можжевельник, в изобилии, а ценный, используемый как древесина и топливо.

Его ягоды также почитаются за лекарство и посылаются в Хиндустан.

Градации высоты и температуры этой горы хорошо отмечены зонами её различных растений.

В нижней области мы наблюдаем пинк, тхаллп, несколько разновидностей тхиста, — одна из них, которую мы в Англии называем американским шаровидным чертополохом, — и несколько разновидностей ферулы.

Выше ферулы и чертополохи продолжают, но мы находим гхвен и фиговое дерево.

На ещё большей высоте гхвен исчезает, и мы встречаем машмук, сиях-чоб и апурс.

Когда машмук и сиях-чоб исчезают, апурс и дикая роза продолжают до самой вершины горы.

Ферула сашлак также преобладает до большой высоты.

Мы не измеряли холм, в лучшем сезоне, чтобы видеть его естественные красоты.

Они, несомненно, лучше проявлялись бы в весенние месяцы.

Брагуи, восхищённые Чехел-Таном и его ботаническими сокровищами, воображают, что клеверное дерево и таинственное растение кимия являются местными его склонов, в то время как они рассказывают тысячу сказаний, которым их доверчивость побуждает верить.

Самый высокий холм в этой местности, Чехел-Тан, имеет очень значительное возвышение над равниной, возможно четыре или пять тысяч футов над уровнем моря.

Однако я не осмеливаюсь делать предположение о его высоте.

Для подъёма на него требуется длинный июльский день.

Снег не остаётся на его вершине после июня или начала июля, но всегда находится в уединённых полостях оврагов, которые разрывают его восточную сторону.

Напротив главной вершины находится другая, несколько меньшей высоты, южный склон которой показывает все разновидности окрашенной почвы или камня.

Вид с Чехел-Тана обширен и великолепен; и он превосходно расположен как станция для установления положения страны вокруг на расстоянии около ста миль.

Эта часть мира предлагает много возможностей для съёмки в крупном масштабе, благодаря удобным местам на главных холмах и прочих вершинах.

Северный Кох Тоба должен командовать большей частью страны между ним и долиной Тарнак.

С любой из заметных вершин хребта, ограничивающего Качи с запада, как Нигтхор, Бохар или другие, вероятно, были бы видны обширные страны.

В провинции Харан, немного к западу от Калата, находится очень высокий холм, заканчивающийся вершиной, которая ясно описана с Чехел-Тана; откуда можно было бы получить обширный вид на страны между Джхалаваном и Панджгуром.

С высоких холмов Сохраба к югу от Калата можно было бы получить хорошие представления о провинции Джхалаван.

К западу от вершины Чехел-Тана находится заметный гребень в хребте Кхводжа Амран, который давал бы замечательный вид на равнину Шоравака, Нушки и великую пустыню, простирающуюся к Систану.

С вершины Котал Кожак, той же гряды, можно было бы правильно установить особенности страны вокруг Кандагара.

Я любил с Чехел-Тана поймать взгляд на гребень Тахт Сулейман, горы к западу от Инда, параллельно Дера Исмаил-хану, но, кроме того, что вид в этом направлении был скрыт облаками, вероятно, Кох Дохджи пересекал бы его.

Зиарат на вершине Чехел-Тана является объектом большого почитания среди брагуйских племён, и я могу быть извинён, возможно, за сохранение того, что они относят к его истории.

Поступая так, мне нужно лишь предупредить читателя, что излишне придавать такое же неясное доверие легенде, как эти простые люди.

«Пожилая пара, прожившая много лет соединённо в браке, сожалела, что их союз не был благословлён потомством.

Страдальческая жена обратилась к соседнему святому человеку и просила его даровать ей своё благословение, чтобы она могла стать плодотворной.

Мудрец упрекнул её, утверждая, что у неё было достаточно власти, чтобы дать то, чего небеса отказали.

Его сын, позднее знаменитый Хазрат Гхоус, воскликнул, что он убеждён в возможности удовлетворить жену; и, бросив сорок камешков ей на колени, пробормотал над ней молитву и отпустил её.

Со временем она разрешилась от бремени сорока младенцев — скорее больше, чем желала или знала, как обеспечить.

В отчаянии от переполняющего дара сверхъестественных сил муж выставил всех младенцев, кроме одного, на вершинах Чехел-Тана.

После этого, охваченный угрызениями, он ускорил путь к холму с мыслью собрать их кости и похоронить.

К его удивлению, он увидел их всех живыми и играющими среди деревьев и скал.

Он вернулся и рассказал жене эту чудесную историю, которая, теперь стремясь вернуть их, предложила утром вынести ребёнка, которого они сохранили с собой, и, показывая его, вызвать возвращение его братьев.

Он так и сделал и положил ребёнка на землю, чтобы заманить их.

Они пришли, но унесли его в недоступные убежища холма.

Брагуи считают, что эти сорок младенцев, всё ещё в своём детском состоянии, бродят по этому месту».

Хазрат Гхоус приобрёл от этого большую славу и особо почитается как покровитель детей.

Многие праздники соблюдаются ими в его честь как в Балочистане, так и в Синде.

В последней стране одиннадцатый день каждого месяца особенно посвящён как юношеский праздник в память о Хазрат Гхоусе.

Есть много зиаратов, называемых Чехел-Тан, в различных местах.

Один есть близ Кабула у Арганда.

Я остался ещё много дней в Ханаке, уступая пожеланиям Гул Махомеда, который принял меры, чтобы сделать меня членом своей семьи и собирался отправиться в Качи.

Моё пребывание было неприятно из-за жары, и я с удовольствием услышал объявление моего друга о том, что он готов вернуться со мной в Калат.

ГЛАВА V.

Отправление из Ханака. — Спин Боленди. — Кенитти. — Брагуйский обычай. — Мангарчар. — Карез. — Томан. — Доверчивость. — Древняя дамба. — Чаппар. — Зиарат. — Прибытие в Калат. — Дин Махомед-хан. — Его занятия. — Его удивительная злость. — Его просьба. — Шахзада Хаджи Фироздин — его хвастовство. — Приём в Кандагаре. — Его судьба. — Хан калатский разговаривает. — Его суждение обо мне. — О силе ферингиев. — Абдул Рахманова история. — Смертность в Калате. — Дхаи Бибу. — Развлечения. — Посещение Дхаи Бибу. — Её желания. — Пристрастие к опиуму. — Лауданум. — Приближение зимы. — Мехраб-хан. — Приближение зимы. — Подготовка покинуть Калат. — Калат. — Мири. — Базар. — Пригороды. — Соседство. — Королевские гробницы. — Жители. — Восточный Балочистан. — Параллель. — Насир-хан. — Его процветающее правление. — Таймур-шах. — Махмуд-хан. — Земан-шах. — Мехраб-хан. — Дауд Махомед. — Отвращение к племенам. — Смятение в стране. — Мехрабова дань. — Соблюдение договоров. — Воздержанность калатского хана. — Их деликатная политика. — Вражда с кандагарскими сирдарами. — Неприязнь Мехраба к ним. — Их поход в Балочистан. — Осада Кветты. — Осада Мастунга. — Переговоры. — Условия. — Харанд и Даджил. — Сайяд Махомед Шериф. — Заменён Хоададом. — Летит в Бахавалпур. — Хоадад призывает сикхов. — Они занимают Харанд и Даджил. — Размер правления Мехраб-хана. — Его доход. — Военная сила. — Ханзадасы. — Поборы. — Подданные. — Артиллерия. — Брагуйские племена. — Продукты страны. — Качи. — Торговля и купцы. — Основная монета. — Мехраб-хан — его характер. — Мир Азем-хан. — Шах Наваз и Фати-хан. — Их обращение. — Снисходительность Мехраб-хана.

На рассвете мы отправились, неся с собой молитвы и добрые пожелания семьи Гул Махомеда.

Нас, как и прежде, сопровождал Аттиф, и мы получили верблюда.

Наш путь лежал в южном направлении, оставив Тири слева и имея Дингхар, небольшую деревню, справа.

Мы миновали холм Спин Боленди, форма которого приписывается совместным усилиям армии Надира.

За ним мы достигли нескольких разбросанных домов с небольшим возделыванием и хорошим каналом воды.

Дальше мы пересекли высокую дорогу, ведущую между Мастунгом и Нушки.

Она была хорошо обозначена; и в этом месте была разрушенная древняя гробница, построенная из обожжённого кирпича.

На некотором расстоянии от неё мы пришли к прекрасному чишма, или ручью, пересекавшему дорогу, и теперь вошли в участок Кенитти; холм Чотох находился слева от нас.

Справа от нас была низкая гряда, ограничивавшая Кенитти и Зард и тянувшаяся до Мангарчара.

Наш переход до дня был долгим и утомительным.

К закату мы достигли Кенитти, где провели ночь.

Провизии достать не удалось.

Гул Махомед, будучи сильно утомлён, я счёл нужным умастить его усталые конечности, что приятно брагуйскому обычаю.

На следующий день, достигнув Зарда, мы свернули к дому индуса, у которого останавливались во время нашего первого посещения.

Его не было дома.

Мы затем направились к холму дальше, у подножия которого, как нам сказали, жили два или три индуса.

Они не имели припасов, чтобы дать или продать; поэтому, пройдя сад Дхаи Бибу, мы вошли в равнину Мангарчара.

Здесь мы нашли старшего сына Гул Махомеда, который пас кобылу, привезённую им кормиться на аспусте, выращиваемом здесь в количестве.

Был также карез превосходной воды.

Карез — подземный акведук, способ доставки воды, распространённый по Персии, Хорасану и Афганистану до Кандагара.

В Кабуле он встречается в меньшей степени и прекращается у холмов в Хайбаре.

В этом направлении он не ведётся за Калатом, и там лишь частично.

У нас не было убежища, но день мы провели на равнине, затеняясь разложенными одежками над длинными палками.

Нам приготовили хлеб и творог.

К вечеру мы двинулись к томану, где гостили ранее.

Нас снова радушно принял добрый Фати Махомед, и для нас приготовили ужин из лепёшек и чаммари.

Когда утром мы собирались выступить, из другого томана привели лошадь, чтобы я мог написать тавиз, или амулет, который следовало повесить ей на шею, чтобы она могла исцелиться от болезни и внезапной смерти.

Её владелец сказал, что потерял двух животных за последние несколько месяцев.

Когда я прибыл из Калата, мы прошли восточную часть Мангарчара, поэтому теперь пересекли западную.

Минуя более северное из этих мест, называемое Кур, которое имеет хороший чишма, мы вошли в местность Баретчи Нав.

Справа и слева иногда встречались дамбы, или искусственные насыпи, которые, если представляют древнее место древних деревень, указывают, что равнина когда-то, в какой-то бывший период, была занята более существенными селениями, чем бунгхи нынешних и мигрирующих племён, которые ныне её населяют.

Покинув Мангарчар, наш унылый путь привёл нас на обширную равнину Чаппар.

На дороге не встретилось жилья, поскольку едва ли можно считать одно-единственное пустынное глинобитное жилище.

Гул Махомед, однако, желал провести ночь в нём, так как уже наступили сумерки, но я возразил.

Поэтому мы двинулись к небольшой деревне Зиарат, которую достигли, когда было уже довольно поздно.

Среди нас не было индуса, и он отказался продавать в неподходящие часы.

Поэтому мы были вынуждены без ужина, но нашли уютное место для отдыха под ветвями большого дерева, с каналом хорошей воды, бегущим рядом с нами.

Небольшие возвышения отделяют Зиарат от Малари, и по дороге, огибающей низкие холмы справа от нас, образованные разнообразно окрашенной землёй, мы увидели город, у которого прибыли раньше полудня.

Не желая, чтобы Мир Азем-хан расценил моё возвращение как событие, один из моих друзей, Салех Махомед, встретил нас и спросил Гул Махомеда, почему он вернул меня таким лугхаром, или худым.

Я был сердечно принят моим старым спутником Абдул Вахадом и узнал, что мои друзья Фаиз Ахмед и Каликдад отправились в Сохраб, чтобы возразить хану против предложенных дополнительных налогов.

Пока я ещё находился в Калате, наше общество пополнилось прибытием Дин Махомед-хана, алекхо-заи Дурани.

Он прежде состоял на службе у Шахзады Камрана, но разногласие с вазиром Яр Махомедом вынудило его удалиться в Систан, где он некоторое время проживал; оттуда он достиг Калата.

Он уделял мне много времени и был прекрасным образчиком дуранийского джентльмена, соединяя несколько утончённую манеру с добродушием, большой простотой и доверчивостью.

Он был отчаянным химиягаром, или алхимиком; и я забавлялся наблюдением того, насколько учтиво он обращался к каждому факиру, или джоги, которого встречал.

Чем непригляднее была одежда и внешний вид нищего, тем сильнее его уважение, полагая, что тот мог обладать великим секретом.

Он имел особое почтение к индусским джоги.

Полагаю, его внимание ко мне происходило отчасти из идеи, что, как ферингий, я также был сведущ в тайных науках.

Мне было досадно, зная, что это лишь напрасно, видеть, как он растрчивает свои скудные средства на глупые и бессмысленные опыты.

При его прибытии в Калат посланник был отправлен в Котри, в Качи, чтобы привезти все лаймы, какие можно было достать; какой-то блестящий замысел пронёсся в его уме, что решительный результат можно получить из известкового сока.

В другое время он искал соки молочая из семилетнего винограднака.

Едкие млечные соки растений в окрестностях были подвергнуты испытанию.

Мехраб-хан назначил ежедневное довольствие бедному Дурани, но не мог позволить себе дать достаточную сумму, чтобы удержать хана в Калате.

Однажды утром я встретил его при возвращении с аудиенции у Мири.

Заметив, что он взволнован, я спросил, в чём дело.

Он ответил с криками, в не слишком деликатных выражениях, как он хотел бы общаться с Мехраб-ханом, его жёнами, его сыновьями и его дочерьми, и надеялся, что дьявол возьмёт Калат, мужчин, женщин и всех.

Через день или два он отправился к Хайдарабаду, в Синде, где встретил старого друга в Самандар-хане, Попал Заи.

Дин Махомед предъявил мне два умеренных требования: снабдить его сыном и обучить его искусству изготовления золота.

Более важным посетителем в этом году в Калате был Шахзада Хаджи Фироздин, брат Шах Махмуда, который управлял Гератом до тех пор, пока его не сместил его внук и не отдался офисом вазира Фати-хана.

Теперь он прибыл из Синда, и его сопровождали лишь немногие домочадцы; около двадцати мулов несли его багаж.

Он не утратил надменного тона, отличавшего слишком многих членов его семьи, и долго говорил хану Калата, ожидавшему, что он предоставит ему деньги, хотя, когда оказался здесь, ему пришлось продать несколько своих мулов.

Он оставался всего несколько дней и отправился по дороге в Кандагар, вожди которого испытывали к нему некоторое сочувствие, поскольку он считался одним из братьев хорошего [человека].

При хане калатском вазир Фати-хан был схвачен Камраном.

Они встретили его у города, учтиво приняли его во время пребывания и при его отправлении на запад подарили ему богато украшенную лошадь.

Впоследствии мы слышали, что несчастный шахзада подвергся болезни в окрестностях Мешед; говорили, что она возникла по ошибке.

Со временем Фаиз Ахмед и Каликдад прибыли из Сохраба, где им удалось убедить хана отказаться от предлагаемого дополнительного налога на кафилы.

Вождь много разговаривал с Фаизом Ахмедом об обедневшем состоянии страны, который приписывал зло росту порока; приводя, например, что масджиты редко посещаются, тогда как винопитие и непристойные пороки, прежде неизвестные в Калате, были введены.

Вождь спросил, как зло можно исправить; Фаиз Ахмед ответил, указав муллам на масджиты и поставив бдительного сторожа за нравами общины.

Хан обещал по возвращении в Калат заняться этими делами.

Он также много расспрашивал обо мне, и сказал, что я джасус, или шпион.

Фаиз Ахмед уверил его, что я им не являюсь, и сказал ему, что ранее я был в Кандагаре и Кабуле, где меня принимали с вниманием.

Хан заметил, что каждый будет уделять внимание ферингиям, поскольку они были зурабар, или всесильны, но что, тем не менее, я был кимиягаром; и на отрицательный ответ Фаиза Ахмеда сказал, что его Ахунд Абдул Рахман имел маленький ларчик с лекарствами, содержащий аксир.

Хан добавил, что всякий ферингий был кимиягаром.

Я спросил Фаиза Ахмеда, намеревался ли хан обратить на меня какое-либо внимание, полагая, что я джасус; он сказал: «О нет».

Я почувствовал, что это было несущественно, что он мог думать, если он меня не прерывал.

Калат в этот год был очень нездоров, и перемежающаяся лихорадка, ежедневно унося семь или восемь человек в городе, наконец достигла пригорода Баби, и мы теряли по два или три человека ежедневно.

Болезнь была столь жестокой, что оказывалась смертельной на второй или третий день или, не делая этого, влекла долгое и тягостное расстройство.

У меня был небольшой запас хинина, который я назначал тем, кто обращался за ним, и всегда с успехом.

Однако я не избежал болезни, хотя мне удалось её преодолеть.

Поскольку я поставил себе правило никого не обманывать или не пытаться сделать то, что, как я знал, невозможно, я постоянно воздерживался от посещения Дхаи Бибу, древней дамы высшего положения в Калате, которая желала вернуть зрение.

Однако однажды утром её сын, называемый Наваб, имея когда-то пребывавшего с ним своего слугу-инвалида, которого я лечил и облегчал, ожидал меня, сопровождаемый многими рабами, и принёс составляющие роскошного развлечения, состоявшего из каждой деликатной вещи, которую можно было достать в Калате; мне сообщили, что Дхаи Бибу сделала меня своим гостем.

Я послал за Фаизом Ахмедом и просил его объяснить навабу, что внимание его матери причиняло мне боль, поскольку я считал, что не могу взамен сделать то, чего от меня ожидали, — то, что превосходило мои способности.

Фаиз Ахмед рассуждал с навабом и настаивал на долге сына.

Я был обязан посетить старую даму, чей дом был близ Мири.

Некогда она должна была быть очень красивой женщиной, а теперь была почти семидесяти лет.

Она пожелала мне совершить одну из двух вещей: вернуть ей зрение или освободить её от привычки употреблять опиум.

Она предложила все виды вознаграждения — лошадей, золото, землю и прочее, — и весьма желала, чтобы я пришёл и поселился с ней.

Чтобы меня собирали для её приёма, она воздерживалась от утренней дозы опиума и была очень беспокойна.

Она прислала меня домой, чтобы рабыня позвала, и проглотила самый крупный шарик опиума.

Её разговор вскоре показал последствия этого, и я простился.

Я отправил немного лауданума как замену её глазам, ибо был обязан послать что-то; и через два-три дня услышал, что ей показалось, будто она могла видеть немного.

Я снабдил большим количеством лауданума, попросив её сына продолжать его применение, если из него можно получить хотя бы малейшую пользу.

Глаза этой дамы были поражены тем, что называется гул, или гобар, толстой непрозрачной плёнкой, покрывающей или закрывающей роговицу.

Дхаи Бибу жила, когда британские силы взяли Калат в 1839 году.

Её дочь, вышедшая замуж за Шахгхаси Нур Махомеда, была убита мечом вместе с другими жителями, когда город был взят.

Столь много бедствий, постигших семью Мехраб-хана, расстроили старую даму до такой степени, что она вскоре после этого умерла.

Со временем Мехраб-хан прибыл в Калат из Сохраба, где собрал армию; и, считая себя защищённым от любой попытки в текущем году со стороны Сахаравана афганцев, решил отправить её к Кею, чтобы сократить мятежные вождества в этом квартале, особенно Рустам-хана Мамасани и Мохим-хана, Нуширвани.

Армия ушла под приказанием Дауда Махомеда, вазира, и её сопровождал Мир Азем-хан, младший брат хана.

Я не посещал хана, поскольку болезнь, казалось, стремилась занять моё здоровье, и я чрезвычайно ослабел от дизентерии.

Опадение листьев уже произошло, и зима, со всей своей суровостью, собиралась начаться.

Я не видел возможности добраться до Кандагара в этом году, и моё расстройство стало настолько серьёзным, что я даже начал размышлять о событии.

Я был рад услышать, что Каликдад готов начать свой ежегодный торговый путь в Синд, и я решил сопровождать его и снова достичь Суммани.

Каликдад имел большое количество мяля, продукты Мастунга и изюма Кандагара, для продажи в Синде и Ласе.

Кафила, как он решил, должна была идти через долину реки Муллох к Джеллу, откуда, следуя западной границе Синда, достигла бы Карачи.

Каликдад не начинал с кафилой, путь которой к Джеллу был утомителен и извилист.

Он предложил присоединиться к ней в том месте, что он мог сделать за три дня из Калата, пересекая холмы.

Он пожелал, чтобы я остался и сопровождал его, но я стал тревожиться, чтобы не покинуть место, где мне так не повезло со здоровьем, и я решил отправиться с верблюдами и товарами, ожидая пользы от упражнения и перемены воздуха, а также желая увидеть маршрут Муллох.

Калат, столица Балочистана и резиденция хана, представляет собой небольшой город, расположенный на восточном склоне отрога от холма, называемого Шах Мирдан.

Он имеет продолговатую форму и окружён зубчатой стеной из глины, преимущественно умеренной высоты, укреплённой башнями.

Западная сторона стены идёт по вершине гребня и увенчана мири, или дворцом хана.

Последний представляет собой сооружение некоторой древности, относимое к периоду, когда Калатом управляли индусские князья.

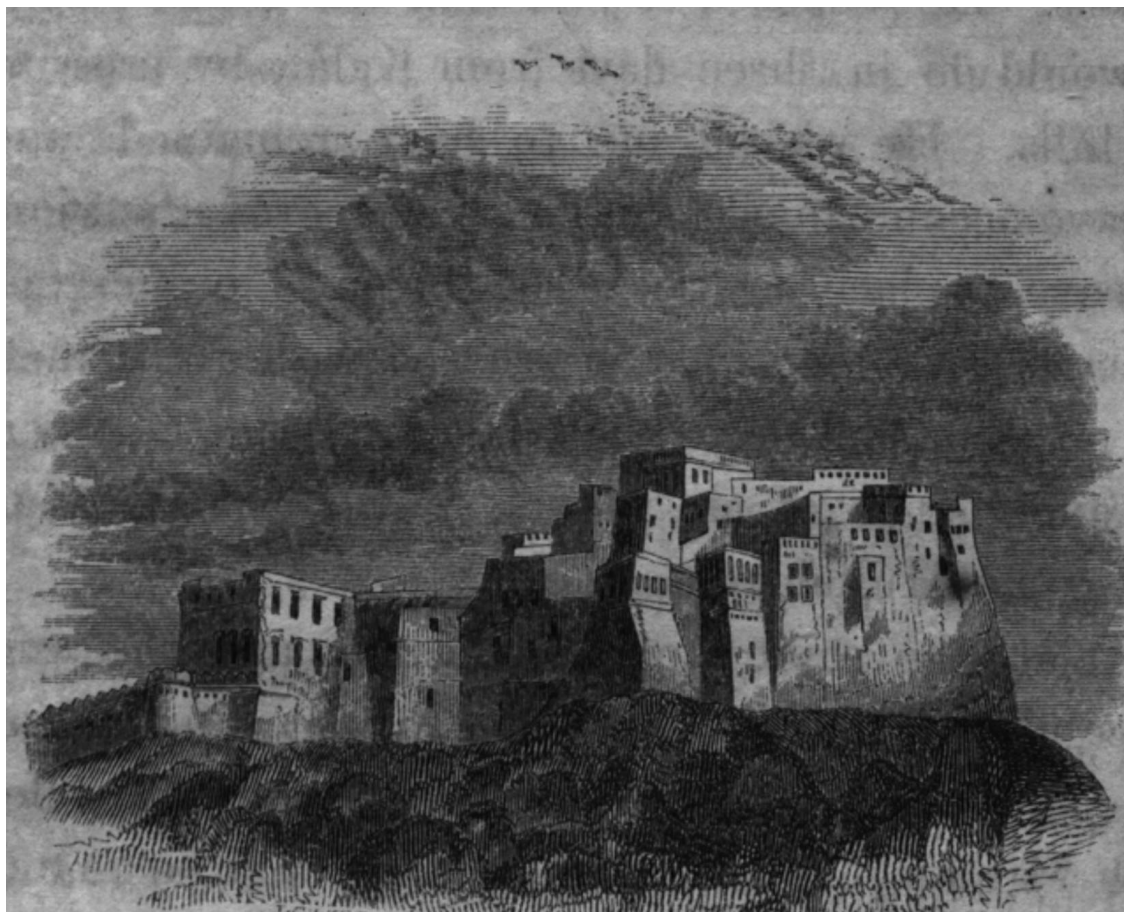
Город имеет три ворот: одни обращены к востоку, а две другие — к северу и югу соответственно.

В нём может быть около восьмисот домов, большая часть которых населена индусами.

Базар равен по размеру городу и довольно хорошо снабжён.

У Калата есть два пригорода: один из афганцев, которые бежали или были изгнаны из мест своих предков близ Кандагара во времена Ахмед-шаха, первого дуранийского царя.

Другой — к северо-западу, населённый также афганскими семьями, но из различных племён и обычно недавними эмигрантами из Кандагара.

МИРИ, ИЛИ ЦИТАДЕЛЬ КАЛАТА.

Вместе эти два пригорода могут содержать триста домов.

К западу от города тянутся низкие бесплодные холмы, на значительное расстояние от востока.

К востоку расположена возделанная равнина шириной не более мили, через которую тянется русло горного потока, без воды, кроме как в некоторые времена, когда оно наполнено дождями.

Она ограничена холмами некоторой высоты, называемыми Харбоф, которые вмещаются между ней и большой равниной Калата.

Калат почти бесполезен как место обороны, поскольку над ним господствует холм Шах Мирдан, на котором Ахмед-шах, когда осаждал его, разместил артиллерию, и лишь вмешательство его офицеров помешало его захвату.

Под холмами к востоку от Калата находятся королевские места погребения; и там находятся гробницы Насир-хана и Махмуд-хана, с кенотафом Абдулла-хана, их предка.

Близ этого места находится знаменитый источник воды, который главным образом обеспечивает орошение равнины.

Аборигенные жители Калата, по-видимому, — девары, эквивалент таджиков Афганистана и Туркистана; и, как и они, их народный язык — персидский, пастушеские брагуйские

племена, к которым принадлежит правящая семья, говорят на диалекте, называемом брагуй, или Кур Гали.

Обширная страна Восточного Балочистана, столицей которой является Калат, теперь подчиняется Мехраб-хану, сыну Махмуд-хана и внуку знаменитого Насир-хана.

Есть наблюдаемая особая история удачи между балочскими королями и дуранийской империей, от которой признавалась лёгкая зависимость.

Современником Ахмед-шаха, создавшего последнюю и доведшего её до процветания, был Насир-хан в Калате, который был ему многим обязан, в большой степени дуранийскому монарху за своё возвышение на ханат, в ущерб своему старшему брату Мохабат-хану, который был низложен.

Насир-хан, вне сравнения, был самым способным вождём, управлявшим Балочистаном; и страна под его энергичным правлением процветала, как никогда прежде и, вероятно, никогда вновь не будет.

Он распространял свои оружия на все части Балочистана и всегда был успешен; и его королевство выросло из очень скромного в чрезвычайно обширное.

Зная о беспокойном расположении своих племён, он держал их постоянно в поле, используя тем самым те качества, которые раздражали бы его дома, для увеличения его власти за границей.

Плодородная провинция Качи недавно была приобретена у Калхора-правителей Синда по договору, который Надир-шах навязал.

Насир-хан не опасался, что её возвращение может быть попытано; и, чтобы дать своим племенам интерес к её занятию, он разделил земли, и все брагуйские племена стали собственниками.

После Ахмед-шаха его сменил сын Таймур-шах, который, как часто бывает в этих странах, жил на славе своего отца и провёл своё правление в удовольствиях или удовлетворении чувственных appetитов.

Современником его в Калате был Махмуд-хан, сын Насир-хана, точно под теми же обстоятельствами и, подобно ему, погружённый в хеш, или наслаждение.

Он потерял провинцию Кей; и его королевство могло бы быть ещё больше изуродовано, если бы не энергия его единокровных братьев, Мастафха-хана и Махомеда Рахим-хана.

После Таймур-шаха в Кабуле последовал его сын Земан-шах, чьё короткое правление было завершено теми потрясениями, которые разорили дуранийскую империю.

Настоящий Мехраб-хан наследовал своему отцу, Махмуд-хану, и в течение первых трёх лет своего правления проявлял значительную решительность.

Он вернул Кей и, казалось, склонен поддерживать целостность своего королевства; но ряд внутренних заговоров и восстаний вызвали у него отвращение и привели к казни обоих некоторых из его собственных заключённых родственников и главных лиц многих племён.

Наконец он потерял всякое доверие к наследственным офицерам государства и выбрал министром Дауда Махомеда, гильджи самого низкого происхождения, и с того времени его дела пошли совершенно плохо; в то время как, придавая себе противоположный авторитет в управлении и признавая законы своей страны, он не только вызвал непрекращающийся спор с племенами, которые считают себя не обязанными повиноваться диктату выскочки и инородного министра.

Отсюда случается, что некоторые из них вообще вооружены; и история страны с момента вступления гильджийского советника к власти предлагает мало иного, кроме череды восстаний и убийств.

Замечательно, что подобное нарушение законов дурани со стороны Земан-шаха, а именно возвышение неквалифицированного человека до вакалата, было главной причиной несчастий, постигших этого царя.

Мехраб-хан, кажется, отказался от мысли, придавая несогласие между ними, вывести их из возможности выступать против него.

Страна поэтому находится в печальном состоянии смятения.

Несколько лет назад марри, грозное племя в холмах к востоку от Качи, спустившись на равнины и разграбив Митари, хан Калата счёл, что они оказали ему столь грубое возмущение, и соответственно выступил с армией, как говорили, в двенадцать тысяч человек, против мародёров.

Они забавляли его сначала одним предложением, затем другим, пока сезон для действий не прошёл, когда, понимая, что хан не может держать свои отряды вместе, они бросили ему вызов, и он был вынужден удалиться с позором перехитрённого.

Во время правления Махмуд-хана доблестный Мастапха-хан, как правитель Кач Гандавы, держал эти хищные племена в должном порядке, как и их соседей, хаджаков, кхаков и других.

После его смерти они не прекращали своих грабежей.

Пока дуранийская империя сохраняла подобие власти, в соответствии с первоначальным договором, заключённым между Ахмед-шахом и Насир-ханом, балочская сила в одну тысячу человек стояла в Кашмире, и ханы Калата всегда внимательно соблюдали свои обязательства.

После распада империи и после потери Кашмира, разумеется, договор прекратился и фактически стал независимым.

Однако после падения верховного правительства эта сиваи, находившаяся в их власти, всегда уважалась.

Пока в стране существовал номинальный шах, как в случае Шах Аюба, они исповедовали известную верность, но когда окончательным установлением или разделением остатков дуранийской империи она распалась на маленькие и отдельные вожества, они более не чувствовали необходимости признавать верховенство ни одного.

Вожди Кандагара, ближайшие к Калату, были единственными, кто настаивал, и Мехраб-хан после смерти Махомед Азем-хана оказался в деликатном и трудном положении.

Он сделал главным принципом своей политики провоцировать их без необходимости и столь же избегать унижительного подчинения их требованиям или молчаливого признания их притязаний.

Они, со своей стороны, давали ему много хлопот, принимая подчинение его мятежных вождей, как Мохим-хана, Ракшани из Харана, Рустам-хана, Мамасани и других, а также предоставляя убежище предателям и разжигая заговоры внутри его королевства.

Эта линия поведения столь раздражает Мехраб-хана, что он часто приглашал Камрана из Герата вступить в наступление и обещал, что если он пошлёт своего сына Джахангир, то передаст балочские сборы под приказание принца.

Калатский хан, в противоположность кандагарским сирдарам как к своим врагам, и они никоим образом не расположены благоприятствовать его взглядам, что непримиримый и недружественный вождь должен владеть страной между ними и Шикарпуром, столь важным предметом их амбиций.

Я отметил, что сирдары вторглись в балочскую страну после моего посещения Кандагара.

Мотивы похода были, возможно, разнообразны, но главным, несомненно, было установление некоторого взаимопонимания с ханом и подготовка пути к более дальнему походу на юг.

Дуранийская сила по этому случаю достигла Кветты, которой завладела посредством своего рода хитрости, объявив дружбу и введя своих солдат в город.

Затем они пошли к Мастунгу, который как бы осаждали.

Дураны едва ли могли взять это место, а гарнизон, ничтожный по численности, едва ли мог удержать его; отсюда последовало, что договор был легко заключён, и предложения сирдаров о том, что место должно быть эвакуировано на почётных условиях, были приняты.

Сирдары утверждали, что у них нет враждебных намерений против хана или его подданных, а только желали дружбы с ним и ими.

К этому времени Мехраб-хан собрал, как говорят, двенадцать тысяч человек, — как представляется, максимальное вооружение во время его правления, — и стоял лагерем в Кенитти, недалеко от дуранийского лагеря и достаточно близко, чтобы могла состояться битва, если бы обе стороны склонялись к этому.

К переговорам, разумеется, прибегли, и был заключён какой-то договор, по которому дураны удалились, не будучи опозоренными полным поражением.

Мехраб-хан заплатил или согласился заплатить один лакх рупий, калатские базовые деньги; и выразил послушание власти сирдаров и готовность помогать их планам на Синд.

Предполагалось, что сирдары не решились бы столь смело войти в балочскую территорию, если бы у них не было в своём лагере Ассад-хана, сирдара Сахаравана, и других, бежавших от мести Мехраб-хана.

Эти предатели вернулись с ними в Кандагар.

Помимо этих сирдаров Кандагара и его собственных мятежных подданных, несчастный вождь Калата имеет нового и более мощного врага, с которым предстоит бороться, — в махарадже Ранджит Сингхе.

Более восточные провинции хана — Харанд и Даджил, прилегающие к Инду и к западу от него между Дера Гхази-ханом и территорией племён Мазари.

Они образуют правительство, которое носит титул наваба у держателя.

Назначение произвольно и исходит из Калата.

Сайяд Махомед Шериф из Тири близ Мастунга, как говорят, благодаря щедрости к Дауду Махомед-хану, гильджийскому министру, приобрёл правительство с пониманием, что он будет удерживать его некоторое время или пока не возместит себе затраты; едва он принял власть, как Дауд Махомед-хан отправил Ходадада, афганца, чтобы заменить его.

Разгневанный сайяд переправился через реку и отправился в Бахавалпур, где убедил хана выступить вперёд и вторгнуться в страну.

Ходадад, в свою очередь, бежал и отправился к субахдару Мултана, который, доложив о деле в Лахор, получил инструкции восстановить на должности хана Калата в Харанде и Даджиле.

Соответственно сайяд был вновь изгнан, как и бахавалпурские войска, а Ходададу сказали, что он является губернатором для Мехраб-хана, но сикхские войска удерживают все пункты в провинции.

Хотя Мехраб-хан обладает номинальной властью над страной огромной протяжённости и включающей большие различия климата, он имеет мало реальной власти, кроме столицы и её окрестностей.

Огромная часть страны находится во владении племён, почти независимых от него, и подчиняются лишь собственным своевольным вождям, которые обязаны хану, в лучшем случае, только военной службой.

Как показало большинство провинций, которые он имеет замин сиркари, или коронные земли, доход которых, как я слышал, в его распоряжении, но обычно потребляется агентами, которые его собирают.

Большая часть его ресурсов извлекается из Кач Гандавы, наиболее производительной из его провинций, где он держит главные города.

Я слышал, что его валовой доход оценивается в три лакха рупий в год, сумма действительно небольшая, но следует помнить, что ни одно из брагуйских или балочских племён не вносит в него вклад.

Едва ли можно сказать, что хан содержит военную силу, но имеет большое число ханзадов, домашних рабов.

Это единственные люди, которым можно доверять, они возвышаются на высокие должности и назначаются губернаторами его городов и провинций.

Они, разумеется, уполномочены содержать последователей, и их группы составляют элиту ханских армий, которые в остальном состоят из сборов с племён.

Общее обязательство военной службы ложится одинаково на сельских жителей и на дежваров, или земледельцев, в окрестностях Калата, которые в случае необходимости выставляют свои квоты людей.

Артиллерия хана состоит примерно из полудюжины неисправных орудий малого калибра в Калате и двух или трёх других в Гандаве, Багхе и Кветте, — её можно считать в лучшем состоянии.

Махометанские подданные хана включают брагуйские племена Сахарава и Джалаван, балочские племена западных провинций, ринд и магтхази из Качи, Харанд, Даджил и прочее, племена афганцев Кабил из Бхалвар (эквивалент Джаджхал?) Калата и его деревень; к ним могут быть добавлены племена Лумри, или Джадгхал, морской провинции Лас.

Можно также отметить, что всё ещё есть несколько семей племени Сева в Калате, которые, согласно преданию, правили страной до брагуев.

Брагуйские племена пастушеские: летом пасут свои стада на столовых землях, а зимой спускаются на равнины Качи Гандавы, Сахарава и Джхалавана.

Страна брагуев производит превосходную пшеницу; но поскольку гораздо большая её часть может обрабатываться лишь при обильных дождях, нет уверенности в поставках.

Орошаемые земли, вероятно, дают столько, сколько достаточно населению, но по высоким ценам.

В сезоны после обильных дождей при благоприятной отдаче имеется большой излишек, и цены чрезвычайно низки.

Известно, что верблюжий груз пшеницы продавался за одну рупию.

Низкая плоская провинция Качи даёт другую пищу: пшеница растёт лишь частично, тогда как джуари и баджара выращиваются наиболее широко.

Хлопок и сахарный тростник выращиваются близ Багха и Дадара; а в последнем месте производится и вырабатывается индиго.

Балочские провинции имеют сравнительно небольшую торговлю с соседними государствами, и общество среди жителей находится не в столь развитом состоянии, чтобы сделать их значительно зависимыми от иностранных рынков в предметах или изделиях роскоши.

Существует большое число афганских купцов, проживающих в Калате, которые ведут значительную транзитную торговлю между Синдом, Бомбеем и Кандагаром.

Финансовые нужды правителей Калата ввели в обращение базовую монету в столице — средство, пагубное для торговли и благосостояния страны.

То же зло существовало в Кандагаре, когда я там был, происходившее, как мне сказали, от покойного Шир Дил-хана, но Фир Дил-хан мудро принимал меры для исправления его.

Мехраб-хану немного за сорок лет.

Хвастаясь происхождением, которое дало двадцать два или двадцать три хана Калата и брагуев, он настолько неграмотен, что не умеет ни читать, ни писать; и, кажется, его отец, Махмуд-хан, был не лучше образован.

Политически суровый, недоверчивый и неспособный, он не пользуется личным уважением, жесток и тираничен; отсюда, хотя его подданные не могут уважать его, он и не испытывает полного презрения со стороны них; и вместо того чтобы осуждать пороки, они скорее сокращаются, что у него нет более добродетели и энергии.

Он не жесток или требователен к купцу, будь то иностранный или домашний.

У него четыре жены и сын по имени Махомед Хасан, теперь ребёнок.

У него есть только один брат, Азем-хан, обычно называемый Мир Азем-ханом, молодой человек, которому доверена делегированная власть, но чрезвычайно склонный к распущенности.

Хан удерживает в качестве заключённых, или скорее заложников, Шах Наваз-хана и Фати-хана, сыновей покойного Ахмед Яр-хана, которых он счёл необходимым предать смерти в начале своего правления или вскоре после того, но до сих пор помиловал во время четырёх восстаний и трижды простил.

Эти юноши находятся под лёгким ограничением, и хан взял одного из них с собой в поездки, тогда как другой остаётся в Калате, на попечении Дарогах Гул Махомеда.

Хан, кроме того, усаживает их справа и в дарбаре, своего собственного сына Махомеда Хасана помещая слева.

Он также обеспечил их жёнами, по крайней мере старшего, Шах Наваз-хана, который женился на дочери хаджакского вождя.

Эти два молодых человека являются единственными оставшимися потомками Мохабат-хана, старшего брата Насир-хана; по этой причине, хотя с ними обходятся доброжелательно, за ними бдительно наблюдают.

Гильджийский министр, Дауд Махомед-хан, хотел вовлечь их в то же уничтожение, которое постигло их отца Ахмед Яр-хана, и тем самым истребить линию, но Мехраб-хан не согласился.

ГЛАВА VI.

Отъезд из Калата.—Тахт-Бадшах.—Мулла Иззат.—Родинджох.—Гандаргхен.—Грубость погонщиков верблюдов.—Сохраб.—Дядя хана.—Места погребений.—Анджира.—Бопох.—Истоки реки Муллох.—Необычная слоистость.—Горам-Бават.—Шакаргаз, или сладкий тамариск.—Пештар-Хан.—Лишайники.—До-Дандан.—Джангхи-Кашта.—Пир-Лакка.—Газневийский хаджи.—Кил.—Но-Ланг.—Броды через реку.—Древняя крепость.—Река Муллох.—Пир-Чатта.—Проход Муллох.—Безопасность.—Опасность от разлившихся потоков.—Жители.—Продукты.—Рассмотрение с военной точки зрения.—Протяжённость.—Джелл.—Прибытие Каликдада.—Кандагарская кафила.—Пошлины.—Сборщики.—Размер.—Мошенничества купцов.—Угощение.—Вежливая просьба.—Город Джелл.—Роши.—Гробницы.—Почва и продукты.—Магхасси.—Подразделения.—Вражда с риндами.—Ахмед-хан.—Его характер.—Распутство.—Земледельцы-джеты.—Танья.—Саннатар.—Хобары.—Ках-Шитар.—Сернистый источник.—Качи.—Шадия.—Пат.—Опасения.—Ринды.—Их набеги.—Спокойствие восстановлено.—Обелиски.—Мачулик.—Дера-Гхаиби.—Вали-Магомед.—Племя Чанди.—Услуги Талпурам.—Хаджи Биджар.—Неумеренные ожидания.—Скупость Талпуров.—Бедность Чанди.—Победы Вали-Магомеда.—Ахмед-хан просит его помощи.—Его враждебность к риндам.—Выговор от наваба-вазира.—Канал.—Отсутствие Вали-Магомеда.

Когда кафила была готова выступить, Каликдад проводил меня до неё, немного за городом. Он в общем рекомендовал меня добрым услугам погонщиков верблюдов, а особенно вниманию Якита, доверенного негра-ханагады, которому было поручено ведать товаром. Товар состоял исключительно из марены и изюма. Для меня было приготовлено место на верблюде, чтобы я мог сидеть или лежать, как мне будет удобнее. Товар принадлежал Каликдаду и его компаньонам; верблюды же были наёмные. Кроме их погонщиков, других спутников у нас не было. В тот вечер мы проследовали в Тахт-Бадшах, небольшое открытое место, амфитеатром окружённое холмами. На многих близлежащих возвышенностях находились конические сооружения из камня, возможно погребальные, поскольку они казались слишком тщательно сложенными, чтобы считать их грудями, возведёнными пастухами для занятия и развлечения в часы досуга. Воду добывали из источника у Кох-Чекара, примерно в трёх фурлонгах отсюда; она нехороша, поскольку насыщена каким-то минеральным веществом. Непосредственно к западу от нас находился Кох-Зоар. Тахт-Бадшах означает «царский трон»: я не смог узнать, почему это место так называется; существует ли какое-нибудь относящееся к нему предание или совершается ли там какая-нибудь церемония при вступлении ханов Калата на престол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.